

«Детское чтение для сердца и разума».

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

9

■ 2018 (231)

6+

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Владислав
КРАПИВИН

Тень Каравеллы

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Сентябрь

Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,
С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сенях,
Словно бы праздник нагрянул
На златогривых конях!
Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу,
И ничего не желаю,
И ничего не хочу!
И никому не известно
То, что, с зимой говоря,
В бездне таится небесной
Ветер и грусть октября...

1970 год

Е. Лансере
Петербург начала
XVIII века
1906 г.

В номере:

3

Владислав Крапивин

Тень Каравеллы

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Святитель Иоанн (Максимович)

**В чём нравственная сила
Святого Великого князя Владимира?**

23

ИМЕНА

Сергей Глядкин

Под парусами Каравеллы

24

УГОЛОК РОССИИ

Геннадий Киселёв

Библиотеатр в Сестрорецке

27

ЖИВОЙ УГОЛОК

Евгений Чарушин

Про зайчат

28

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Светлана Волкова

Евражка и голубая звезда

31

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

Всадник по имени Расул

34

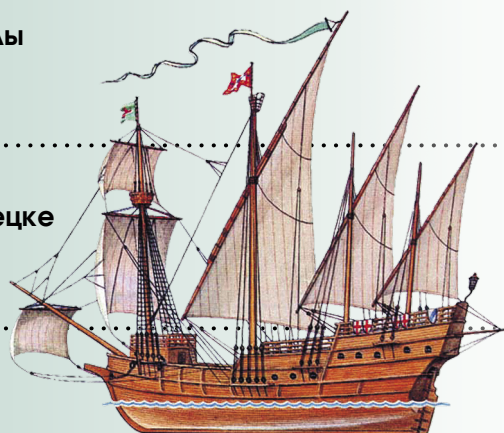
РАССКАЗЫ

Владимир Волков

На острове

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное

редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Олег Болдырев

Компьютерная вёрстка

и цветоделение

Александр Муравенко

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего

школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «Роспечать»

72766 на полугодие, **71899** на год;

в объединённом каталоге

«Пресса России»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Подписано в печать 28.08.2018

Отпечатано в АО «Красная Звезда»

123007, Россия, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 3712-2018

© «Роман-газета», 2018 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Тень Каравеллы

Главы из повести

Синее и белое

Мир, в котором жили мы, был устроен удобно и просто. В середине его стоял наш длинный двухквартирный дом, который назывался флигель. По сторонам, в разных концах заросшего двора, находились другие постройки: бревенчатый сарай с сеновалом, двухэтажный дом с каменным низом, скрипучая, кривая голубятня и кирпичный магазинчик, окружённый забором из нестроганных горбылей.

Во флигеле жили мы: я, мама и сестра Татьяна, которая училась в техникуме. Кроме того, в соседней квартире, за стенкой, жили Анна Васильевна и её сын Павлик.

Население двухэтажного дома состояло из множества людей, которые назывались одним словом — соседи. А те, кто жил за стенкой, соседями не назывались. Они были просто тётя Аня и Павлик.

<...>

А Павлик, хотя и смеялся надо мной, про подводную лодку никому не сказал. И тонкая ниточка, видимо, не совсем порвалась. В конце концов, он именно мне, а не кому-то из друзей оставил на хранение учебную гранату, когда на месяц уехал в лагерь.

А потом был август и тот вечер, когда мы почувствовали, что нас тревожит одно и то же ожидание. Чувство, похожее на близость приключения.

Это было как первая капля нашей дружбы. Вернее, сначала и не дружбы, а просто симпатии, которая появляется, когда два человека хорошо понимают друг друга. После этой капли был ещё долгий перерыв. Как в том дожде, о котором я сейчас вспомнил.

Капля упала с потемневшего неба на крыльцо, разлетелась на пылевые брызги и оставила на серой доске тёмный след. Он был похож на разбившуюся звезду. Пока я разглядывал этот лучистый след, вторая капля щёлкнула по моей сандали, нырнула в одну из дырочек, пробитых в коричневой коже, и холодной ящеркой скользнула между пальцами.

— Владик, иди домой, гроза начинается! — крикнула мама из кухни.

Я не пошёл. Мне хотелось увидеть падение новых капель. Я любил это волшебное зрелище — стремительное снижение маленьких стеклянных шариков. Но капля больше не было. Туча молчала. Она уже перевалила середину неба и развернула над всей землёй тёмно-синий грозовой занавес.

Было очень тихо. Иногда вздрагивали и начинали хлопать друг о друга листья тополя, но тут же испуганно замирали.

Над заборами, над низкими крышами я видел высокую башню со шпилем. Я знал, что это колокольня старой церкви, в которой помещалась тогда городская библиотека. Знать-то знал, но что с того? Я даже близко от этой библиотеки не был — не приходилось. Она всегда была для меня просто башней, видимой издали. А то, что видишь только издали, всегда кажется немножко таинственным.

Мне нравилась эта башня. А в тот грозовой вечер нравилась особенно. Она была очень белая. Такая плотная и свежая белизна бывает у кусков мела, ещё ни разу не взятых в руки. Этот белый цвет на грозовой синеве почему-то радовал и успокаивал меня.

Вокруг башни, словно рой бабочек вокруг абажура, носилась птичья стая. Птицы тоже были белые. И видимо, они не боялись грозы, хотя были от неё очень близко.

Коротко рванул ветер. Тополь, уже не стесняясь, захлопал зелёными ладонями. Сразу запахло тёплой пылью, травой и сухой ржавчиной железных крыш.

Взвизгнула калитка, и во двор влетел Павлик. Он лихо затормозил перед крыльцом и выпалил:

— Ух и отоварит сейчас дождичком! Мы с Вовкой самолет по нитке пускали и вдруг как поглядим, как увидим! Какая туча! Ага? — Но вдруг мысли его скакнули в другую сторону: — Эй, Владька! А где моя учебная граната, которую я тебе оставил, когда в лагерь поехал? Я с Вовкой на самолёт поменяюсь. Где? — Он наклонил набок голову и подозрительно смотрел на меня из-под выгоревшей чёлки. Жидкая кисточка испанки качалась над левой бровью.

Мне по многим причинам не хотелось касаться скользкого вопроса о гранате. Я отвёл глаза и снова стал смотреть, как кружится у башни голубиная стая.

— Замылить хочешь? — в упор спросил Павлик. — Чего молчишь?

— Я на башню смотрю. И на птиц.

Павлик удивился и притих. Тоже стал смотреть, как кружат белые птицы. Не знаю, что он почувствовал. Но стоял и смотрел он долго. Тускло-розовая горбатая молния бесшумно сгорела выше башни и птиц. Это было увлекательно и страшновато.

Павлик громким шёпотом сказал:

— Как на море. Будто там маяк и чайки... — Шёпот его звучал тревожно. — Будто скоро шторм.

Плотная синева громадных грозовых пространств со всех сторон окружила притихшую землю. Дома, казалось, хотят спрятаться под крыши, как черепахи под панцирь. Только башня, высокая и светлая, бесстрашно пронзала тревожную синеву. Она была как парус, как лебедь. Как белый маяк на краю беспокойного океана.

— Как на море, — отчётливо повторил Павлик.

Я знал, что он родился и вырос здесь, в этом доме, и никогда не был у моря. Но поверил ему сразу и накрепко.

С той поры эти два цвета — синий и белый — связаны у меня с мыслями о море. Белое и синее — значит чайки и паруса в морской дали, волны прибоя, тельняшки и матросские воротники, незнакомые города над

заливами, флаги отхода на мачтах многоэтажных кораблей. Бело-синими были обложки журналов «Вокруг света» и контурные школьные карты, так похожие на морские...

Конечно, это пришло постепенно. А в тот вечер, когда туча стала уползать и приоткрыла яркую щель заката, я забыл о синем шторме и белых птицах. На время.

Потом наступил сентябрь, и я пошёл в первый класс, а Павлик в четвёртый. Ближние улицы перестали казаться мне таинственной страной. Большой овраг, который раньше был страшным и запретным, стал местом весёлых игр. Когда выпал снег, я одним из первых пробороzdил там санками крутой склон.

Жить стало интереснее, но гораздо труднее. Школа оказалась совсем не праздником. Читал-то я хорошо, но с первых дней не ладилось у меня с почерком. Буквы меня не слушались. Они разбредались с линейек кто куда, валились набок, принимали самые уродливые формы. Крупнокалиберные кляксы сыпались на тетрадные страницы автоматными очередями. А кроме того, вставать в семь утра и по морозу топать пять кварталов до школы — какая же это радость! Да ещё домашние задания! Конечно, — снежный овраг, где шумно и весело, — это хорошо, но всё-таки я жалел о прошлых временах. Наступившая зима казалась мне безрадостной и жестокой. Зимние каникулы с крошечной ёлочкой в углу на сундуке промелькнули, как случайный солнечный зайчик.

С ребятами в классе я сходилcя очень трудно. Ленинградец Юрий Давыдов, с которым я подружился, неожиданно уехал. До весенних каникул было далеко-далеко, а других радостей я не ждал.

Так было до того январского вечера, с которого я хотел сперва начать эту повесть. Но, вспоминая всё по порядку, я понял, что началась она раньше. Не этим зимним вечером, а в синие летние дни впервые задела крылом Павлика и меня Тень Каравеллы.

Визит Билли Бонса

Ветер за окнами был пронзительный и лютый. Он басовито выл в проводах и тополиных ветках, но иногда срывался и начинал верещать, как прижатая в ловушке крыса. Я знал, что он лижет сугробы и взмывает над ними языки летучего снега. При ледяном

свете луны эти языки похожи на бледное прозрачное пламя.

Я любил смотреть на эти прозрачные факелы. Окна закрывались ставнями, но у одного ставня отвалилась нижняя половинка и оставила свободным оконце размером с тетрадку. По углам оно было затянуто узорчатым льдом. Я прижимался носом к стеклу и смотрел, как полыхают и дымятся холодом сугробы, как летят по снегу тени. Луны видно не было, но я знал, что она, не уставая, катится навстречу стремительным облакам.

Однако мама и Татьяна быстро прогоняли меня: от окна дуло. А если я был один, то и сам не решался подходить к окошку. Неизвестно, откуда появлялся дурацкий страх: вдруг с улицы навстречу мне поднимется и прилипнет к окну плоская белая рожа со страшными глазами. От одной этой мысли делалось холодно в животе и хотелось, чтобы окон вообще не было.

Конечно, когда приходили взрослые, мысль о белой роже начинала казаться невероятной чушью.

Но в этот вечер взрослых дома не было. Вообще никого не было, кроме меня.

Натянув пальтишко, нахлобучив шапку, я сидел у стола и рисовал. Вернее, не сидел, а стоял коленками на стуле, навалившись грудью на край стола. Острая кромка сиденья резала колени, стол больно давил на рё-

бра, но я не старался устроиться удобнее. Зачем? Всё равно всё было плохо.

Такие скверные вечера я называл унылым словом «утык».

Утык — это если все несчастья утыкаются в одного человека, в меня.

Нынешний утык начался ещё днем: я получил очередную двойку по письму. Чтобы отомстить Антонине Петровне, я дома не стал делать задание по арифметике. Однако сейчас меня грызла мысль, что от такой местности Антонина Петровна пострадает меньше, чем я сам. Впрочем, не очень сильно грызла. Гораздо хуже было то, что я остался один. У мамы или собрание, или внеочередное дежурство в редакции. У Татьяны тоже какое-то дело в техникуме, она вообще часто задерживается.

Мама, наверно, думает, что Татьяна дома, истопила печку, сварила на ужин овсяный кисель (я глотнул слюну). А Татьяна думает, видимо, что все это сделала мама. «А в крайнем случае, — думают обе про меня, — посидит у Павлика, пока мы не придём».

Но беда в том, что и Павлика нет. Из школы он пошёл, наверно, на работу к матери, сделал там уроки и теперь в уютной кинобудке четвёртый раз смотрит фильм «Два бойца».

Я с горькой завистью подумал, как тепло и интересно там, у больших трескучих аппаратов.

В доме было до чёртиков холодно. Видимо, Татьяна днём не успела истопить печку. Холодными были стены, печная плита, стол, покрытый голубой клеёнкой. Даже карандаш, когда я зажал его в пальцах, казался ледяным, как сосулька.

Это был мой любимый заслуженный карандаш. Военный. С одного конца чёрный, с другого — оранжевый. Весной мне подарил его знакомый офицер, который жил тогда у нас на квартире. Этим карандашом очень удобно было рисовать на полях газет горящие самолёты и танки фашистов: чёрное железо с крестами и оранжевое пламя. Но сейчас я рисовал без всякой радости. Просто так. В озябших пальцах толкалась привычная тупая боль. Она называлась «ревматизм».

Взгромоздившись валенками на стол, я распутал на электрическом шнуре узел и опустил к самой клеёнке лампочку. Где-то мотался на ветру провисший провод, и лампочка тревожно мигала. Она была жёлтая, неяркая. Пар от моего дыхания обволакивал её быстро исчезающими облачками.

Чтобы отогреть пальцы, я обнял лампочку ладонями, но тут же по стенам взлетели громадные тени, а в заиндевевшем углу у окошка начала шевелиться мохнатая темнота. Ходики на стене застучали отчетливо и часто, словно предупреждая об опасности.

Я убрал руки и сердито всхлипнул. Утык был полный и глубокий. Ещё и есть хотелось сильнее обычного. Конечно, я не помышлял о макаронах, оставленных маме и Татьяне, но если бы топилась печка, я нарезал бы тонких картофельных ломтиков и поджарил бы их на плите. С солью.

Я опять проглотил слюну и с ненавистью взглянул на плиту. Она была холодная, как Северный полюс.

У печной дверцы лежало несколько сосновых поленьев. Вверху, на кирпичном уступе дымохода, хранились спички-гребешки в синей бумажной обёртке и коричневая дощечка-чиркалка. Но что с того? Разжигать печку сам я не мог. Это было запрещено раз и навсегда. Нарушить этот железный запрет было страшнее, чем получить сразу пятьдесят двоек или съесть одному хлебный паёк всей семьи.

Считалось, что если я возьмусь за растопку, то обязательно сожгу дом, себя и полгорода. Кроме того, в печке могло что-нибудь взорваться. Ведь взорвались же у Павлика учебные патроны (ох и звону было!).

«Однако, — подумал я, — взорвались у Пашки, а не у меня. А к печке не пускают

меня, а не Пашку. Его-то пускают: пожалуйста, топи сколько хочешь...» Эта мысль была первой искрой бунта.

Бунт был молчаливый и стремительный. «Всё равно!» — отчаянно подумал я, прыгая со стула.

В самом деле, всё равно когда-то должно это было кончиться! Не мог же я без конца терпеть мучения оттого, что взрослых терзают глупые страхи! Так и скажу им! А сейчас возьму спички и...

Дров было мало. Но тащиться за ними в тёмный сарай через двор я, конечно, не собирался. Семь бед — один ответ! Я решил сжечь запасы бумаги, которые шли на растопку.

Тумбочка письменного стола была заполнена бумажным хламом: старыми учебниками и тетрадями сестры, довоенными журналами отца, пачками газетных вырезок, какими-то неинтересными книгами. Мама с Таней иногда жгли это добро, но очень осторожно. Они все боялись, что там может оказаться что-то нужное. А я не боялся.

Я ударил валенком по тумбочке, чтобы заставить попрятаться живших там мышей, и дёрнул дверцу. С шелестом выползли к моим ногам несколько скучных журналов, связка газет и учебник зоологии с зубастым ящером на обложке. Я нагнулся, чтобы подобрать их.

И тогда, словно дождавшись нужного момента, прямо в ладони мне скользнула ещё одна книжка.

Она была разлохмаченная, без переплёта. На первом листе я увидел два крупных слова: «Старый пират». А ниже, с середины страницы, шли слова, рассказывающие о старом морском волке, появившемся неизвестно откуда в приморской таверне.

Это было необычно, не встречалось раньше. Короткое воспоминание о белом маяке среди синей грозы толкнуло меня, как лёгкая тревога. С книжкой в руке я шагнул ближе к лампочке...

Безотрадный вечер, называемый словом «утык», растаял, провалился, исчез. Обладатели белых рож могли открыть все ставни, слоняться под окнами целыми взводами и заклеивать жуткими лицами все стёкла — я бы их не заметил. Тёмные чудовища в углах могли играть в чехарду и размахивать мохнатыми щупальцами — плевал я на них. Холод мог украсить потолочные балки гребнями сосулек — меня это не касалось.

Неловко навалившись боком на стол, касаясь щекою тёплой лампочки, я глотал

страницу за страницей, и море гремело у серых гранитных уступов, и ветер яростно хлопал ставнями на окнах одинокой таверны, и старые часы скрипуче били полночь...

Наверно, так бывает только в детстве: читаешь книгу, но не замечаешь слов, а как бы видишь кино. Я видел совершенно отчётливо стёртые ступени гостиничной лестницы, частые переплёты окон, за которыми ночь и опасность, дрожащие свечи в руках испуганной хозяйки и её сына Джима. Огоньки этих свечей жёлтыми точками отражались в железных полосках, которыми был окован зелёный дубовый сундук. И наконец, видел я хозяина этого сундука. Старый Билли Бонс будто сел рядом со мной, скрипя кожей ремней и башмаков, хрипло ворча и откашливаясь. На его полосатой вязаной фуфайке блестели капельки дождя (так же как блестят на мамином платке капельки растаявшего снега, когда она приходит с работы). От него пахло табаком и промокшим сукном.

Билли Бонс неторопливо сложил и затолкал во внутренний карман медную подзорную трубу, отхлебнул из мятой железной фляжки, сморщил красное обветренное лицо и глянул на меня стариковскими слезящимися глазами.

«Что, парень? Тебе тоже не сладко?»

— Да нет, ничего, — шёпотом сказал я.

Он мне понравился, этот старый таинственный капитан. Конечно, он бывал иногда грубоват и вспыльчив, но ведь и жизнь у него была несладкая. По крайней мере, я полюбил его гораздо больше, чем хозяйки-

ного сына Джима, который сначала был настоящим размазней и трусом. Когда Билли Бонс умер, я чуть не заплакал.

Зато я с большой радостью узнал, что один из его врагов попал под копыта лошадей. Так ему и надо! Ух как гремели подковы по мёрзлой дороге! Я не сразу понял, что гремят не подковы, а грохочет дверь под ударами кулаков.

— Кто? — крикнул я, вылетая в сени.

— Дрыхнешь, что ли?! — яростно завопил за дверью Павлик. — Сам бы поторчал здесь на холоде! Я все кулаки расплющил! Открывай, верблюд несчастный!

Я откинул крючок. На обидные выкрики я не обратил внимания. Во мне ещё гремели отголоски удивительного мира опасностей и тайн. Скорее, скорее туда, назад, чтобы узнать тайну пиратского сундука!

— Засоня, — презрительно сказал вслед Павлик.

— Балда, — откликнулся я на ходу. — Я не спал. Я зачитался.

— Зачитался! «Ма-ма мы-ла ра-му. Лара мыла Лушу».

Я остановился. Мы стояли в общей кухне, каждый у своей двери.

— Сам ты Луша. У меня такая книжечка. Треснешь, как пузырь, от зависти. Пальчики обсосёшь.

— Пф! Про Курочку-рябу.

— Сам ты ряба! Про старого пирата.

— Ты? Про пирата? Ой, умру!

— Начинай, — холодно сказал я. — Когда умрёшь, крикнешь, — и взялся за ручку двери. Истина была на моей стороне.

Павлик бросил портфель и шагнул ко мне:

— Ну ладно. Ну, покажи.

С тайным торжеством я протянул книжку.

— Ух ты... — быстро сказал Павлик, и глаза у него стали ласковыми, словно он взял в руки любимого щенка. Он узнал книгу сразу же. Конечно, он видел такую раньше. — «Остров сокровищ», — сказал он почти торжественно. — Роберт Льюис Стивенсон.

Он произнёс это имя протяжно и немножко странно: «Робэрт Ль-уис Стывенсо-он». Было ясно, что в книгах таких и в именах он знает толк.

— Я её давным-давно прочитать хотел, — заговорил Павлик, жалобно поглядывая на меня. — У Серёжки Сазонова просил, а он фигу показал. Я ему автомат с железной трещоткой обещал, а он всё равно не дал. Свинья, верно?

Я кивнул, но, чуя опасность, не сводил глаз с книжки.

— Этот автомат я могу хоть сейчас тебе отдать, — бодро пообещал Павлик. — А ты мне книжечку всего на один вечерок. Идёт?

Действовать надо было мгновенно. К счастью, книжку держал он не очень крепко. Я кошачьим движением выхватил её и скользнул за дверь. Звякнул задвижкой.

— Владька! — тоскливо взвыл Павлик.

— Прочитаю, тогда дам, — непреклонно сказал я.

Павлик потрогал дверь, но задвижка была прочная.

— Жила, — безнадёжно сказал он. — Буржуй. Купец, помещик, капиталист. И этому типу я отдал свою гранату!

— Возьми её обратно.

— Ну, Вла-адик. Ну, на вечерок... А?

— Бэ, — сказал я.

— Жадюга. Вот скажу в школе, все ребята тебя лупить будут.

— Тогда и через год книжечку не увидишь!

Он шумно вздохнул за дверью и замолчал. Я понял, что он придумывает самые убедительные, самые-самые действующие слова. Ох как хотелось ему почитать «Остров сокровищ»!

— Много ты прочитал? — вдруг спросил Павлик.

— Тридцать пять страниц.

— Как ты быстро читаешь, — сказал он вкрадчиво. Это была грубая лесть. Ведь он не знал, сколько времени я читал.

Мне стало жаль Павлика.

Даже не то чтобы жаль, а просто я представил, как он безнадёжно топчется у двери и чуть не плачет от огорчения. Счастье сверкнуло перед ним ослепительной искрой, поманило и погасло.

Я бы, наверно, на месте Павлика заревел от тоски.

— А ты совсем её не читал? — спросил я.

— Пятнадцать страничек. Да ещё в середке немножко. Сазонов давал почитать на переменах.

— Давай так, — начал я, осторожно взвешивая слова. — Ты сейчас затопишь у себя печку...

— Ага... — откликнулся он с проснувшейся надеждой.

— Потом решишь мне задачку...

— Хоть десять!

— И примеры.

— Хоть тыщу!

— Потом я дам тебе почитать до тридцать пятой...

— У-у...

— А потом вместе будем, вслух! А ты один хотел? Хитрый...

— Ура!

На радостях он грянулся грудью о дверь и сорвал задвижку с винтов.

Отблески на парусах

Эту книжку мы читали пять вечеров подряд. Мы не торопились. Ждали, когда загустеют в окнах фиолетовые сумерки, и потом отправлялись в комнату к Павлику. Там, у печки, был просторный уютный угол. Наш угол. От комнаты его отгораживали спинка кровати и тумбочка с треснувшим фарфоровым шариком вместо ручки на дверце.

Печка была круглая, покрытая чёрным блестящим железом — голландка. Казалось иногда, что это и не печка совсем, а основание корабельной мачты, которая уходит вверх сквозь палубу. Где-то высоко над крышей шумят её паруса. Шум был на самом деле: это хозяйничал в тополе ветер. Когда открывали трубу, он начинал обрадованно голосить в ней.

Павлик отводил в сторону тяжёлую двойную дверцу, поджигал газетный фитиль и толкал его под сосновые поленья, в лучину. Тяга была могучая! Сухие дрова словно взрывались — пламя охватывало их разом и начинало торжествующе реветь в печной трубе.

На окнах в комнате Павлика никогда не закрывались ставни. За стёклами дрожали яркие голубые звёзды. Казалось, что дрожат они от гудения огня.

Мы садились на поленья у приоткрытой дверцы. Павлик брал книгу. Он становился спокойным и строгим. Он мне очень нравился в такие минуты — не насмешливый, добрый, настоящий. Глаза Павлика делались тёмными, и пламя билось в них беспокойными звёздочками. И на лбу, на волосах его дрожали медные отблески.

Не помню, как читал он: тихо или громко, с выражением или без. Среди пляшущего огня я видел, как на экране, одноногого Сильвера с крикливым попугаем, двухмачтовую «Испаньолу», опоясанный ружейными дымками форт. Головешки, рассыпаясь, стреляли, как мушкеты. Угли были как освещённые закатом скалы острова. Юнга Джим шёл по следам соковок и воевал с пиратами. Он оказался не таким уж размазней, каким выглядел вначале.

Но вот вместе с пятым вечером кончилась книжка.

Честное слово, я растерялся. Я знал, что она должна кончиться, но нельзя же так сразу. Что же дальше? Не будет больше парусов, прибоя, дальних берегов?

— Хорошая книжка, — потягиваясь, сказал Павлик. — Побольше бы таких.

— Разве есть ещё такие? — очень удивился я.

— Завтра принесу одну. Выпросил кое-как у Серёги. Называется «Морская тайна».

«Морская тайна» тоже была замечательной книжкой, только тонкой. Два вечера мы читали про наших моряков, которые оказались в плену на подводном японском крейсере.

А потом Павлик принёс «Приключения Гулливера».

Книжка начиналась словами, похожими на строчку из песни: «Трёхмачтовый бриг «Антилопа» уходил в Южный океан...»

Мне показалось, что ласковый ветер пошевелил волосы и приподнял листы книги — вот какие это были слова.

Но Павлик оборвал чтение.

— Что за чушь? — сказал он серьёзно, даже встревоженно.

— Что? — не понял я.

— Не бывает же трёхмачтовых бригов...

Для меня эта наука была как тёмная ночь.

— Почему?

Несколько секунд он смотрел на меня молча, потом, видно, понял, что разговари-

вать со мной об этом бесполезно. Сердито и негромко сказал:

— Вот потому... Кончается на «у».

— Раз написано, значит, бывают, — заметил я.

Тогда он взорвался:

— «Написано»! Если он трёхмачтовый с прямыми парусами, значит, он фрегат, а не бриг!

— А если не с прямыми?

— Не с прямыми бриги не бывают, ясно? Они всегда с прямыми, всегда двухмачтовые! Вот!

— Откуда ты знаешь?

Он уже успокоился и не хотел спорить.

— Мало ли... — сказал он рассеянно. — Откуда хочешь... Словари-то почти в каждой книжке есть...

— Ну ладно. Давай читать, — нетерпеливо потребовал я.

Павлик помолчал немного и вдруг сказал:

— Не буду.

— Ну, Павлик! — взмолился я.

— Не буду, — спокойно и твёрдо повторил он. — Если с первого слова враньё начинается, дальше, значит, совсем...

Я понял, что он в самом деле читать не станет. Всё рушилось. Погибал хороший вечер с горящей печкой и заманчивой книжкой, где на картинках были якоря, корабли и маленькие воинственные человечки из неизвестной страны.

— Всё ты знаешь! — бросил я с отчаянной обидой. — Морской профессор! Может,

раньше были трёхмачтовые бриги! Сейчас нет, а раньше были! Совсем давно! Откуда ты знаешь?

— Раньше? — повторил он.

— Ну да! — уцепился я за спасительную мысль. — Ты всё на свете знаешь, что ли?

Нет, всё на свете он не знал. Подумал и согласился:

— Может, правда. Раньше. Насчёт раньше я только немножко знаю. Про каравеллы.

«Гулливер» был спасён. А когда и этой книжке пришёл конец, Павлик раздобыл где-то «Пятнадцатилетнего капитана».

Первая глава называлась «Шхуна-бриг «Пилигрим».

Я не забыл недавнего разговора и потребовал у Павлика объяснения: что это за штука — шхуна-бриг? И это было лишь начало. Я уже не хотел только приключений. Мне нужно было знание. То знание, которое отличает капитана от пассажира.

Я стал придирчив. Что такое «спардек»? Что такое «ванты»? Что такое «фор-стенг-стаксель»? Павлик ругался, но объяснял что мог. Потом я, как и он, привык копаться в словарях и примечаниях.

Впрочем, это не портило наши вечера. Это было похоже на игру. Да и в самих словах «норд-вест», «бейдевинд», «фор-марсель» звучали отголоски удивительных морских историй. Это были слова из синей и белой песни моря.

Мы поняли тогда: нам нужны не просто книжки про острова и тайны. Нужны такие вечера. Вечера с гудящим огнём и разговорами о маяках и коралловых рифах. И с ломтиками картошки, которые мы жарили на железной полоске у печной дверцы. Звонко стреляли крупницы соли, на ломтиках появлялись коричневые пузырьки. Потом эти ломтики похрустывали во рту, как печенье, и были вкуснее всего на свете.

В те дни всё складывалось как-то удачно. Ушла тревога за отца: его часть вывели из боев, и она стояла в тихом городке с длинным нерусским названием. Отступил голод — мама получила какие-то дополнительные талоны на муку. Не за горами была и весна, а все знали, что весна принесёт победу. Даже в школе мне везло: я получил две четвёрки по письму. Но запомнились прежде всего не дни, а счастливые вечера, согретые огоньком начинавшейся дружбы.

Правда, вначале их портила Татьяна. Взяла такую моду: придёт из техникума, просунет в дверь голову и медовым голосом начинает допрос:

— Владик, а уроки ты сделал? Все? И по письму? А что было задано? А какие отметки в школе? А что сказала Антонина Петровна?

Эти разговоры надоели мне, как похлёбка из мороженой капусты. Меня от них тошнило. Я даже пробовал скрипеть зубами, но скрип не получился, только зубам было больно. И однажды лопнуло терпение.

Я сказал, что это свинство. «Да-да! И не простое, а громадное свинство. Нет, я правильно выбираю выражения! Как ещё можно выражаться, если тебе каждый вечер портят настроение?.. Ну и жалуйся! Хоть директору школы! Каждый вечер одно и то же!.. Кашалоту в глотку такую заботу!.. Только попробуй! Думаешь, ты одна умеешь ремнём махаться?.. Тысяча чертей и один грот-марсель с двумя рифами!.. Кто бы другой говорил об уроках! Не тот, у кого «хвосты» по черчению!.. Да, знаю, что такое «хвосты», ещё хуже двоек! Об этих «хвостах» и говорю, да! А ты думала, о других? Можно и о других: ещё хвостами называются те, кто за кем-нибудь таскается по пятам! Например, тот курсант из пехотного училища, или Лёшка Солодовников, или... Ах, не моё дело? А тебе в мои можно соваться?.. Подумаешь, старше! Зато глупее!.. И не приду, буду ночевать у Павлика. Тебе же от мамы попадёт!.. Что-о? Силёнки не хватит!.. А вот так и смею! Подумаешь! Большая, а ревёт...»

Что и говорить, скандал был не меньше восьми баллов, но я выстоял в этой буре. Я победил.

С тех пор никто не мешал нам. Вечер бежал за вечером. Они пролетали словно в тени больших парусов, на которых танцевали отблески огня. Что это было? Вспышки пушечных залпов? Отсветы пламени вулканов? Блики таинственных береговых костров? Едва сгущались сумерки, как белые паруса уносили нас в синюю страну бурь и открытий. И мы жили в этой стране, пока с улицы не доносился стук в дверь. Долгожданный стук.

Да, несмотря на радости хорошего вечера, ожидание этого стука всё время жило во мне. Оно пробивалось сквозь книжные тревоги, опасности и тайны.

Отпирал дверь обычно Павлик. Он возвращался, и я спрашивал с замиранием:

— Чья мама пришла?

— Твоя, — говорил он со вздохом.

Я срывался и вылетал в кухню.

Не судите строго. Даже настоящие суровые капитаны становились маленькими в те минуты, когда им случалось встречать маму. Можно понять нас, мальчишек, росших

без отцов. Мама — это было всё. Мамино возвращение с работы — это была радость, о которой думали с утра. Пусть простят меня паруса и пассаты, что в этот счастливый миг я забывал о них. Я прижимался к маминому пальто, усыпанному бисером растаявшего снега, и мама говорила всегда одно и то же:

— Ой, Владька! Ой, ну сумасшедший ты человек! Я же вся ледяная, ты простудишь-ся насмерть.

И я, худой семилетний малёк с ноющими от ревматизма суставами, всегда отвечал:

— Я? Простужусь? Я закалённый, как тысяча айсбергов!

Потом мы шли из кухни в нашу крошечную прихожую, и я помогал маме раздеваться, пока Татьяна однообразно ябедничала на меня.

Потом мы садились пить чай с сахарином и звали Павлика, потому что его мама приходила ещё позже.

После чая у меня начинали слипаться глаза. Неизвестно, как я оказывался в кровати. Мне снились корабли и скалы, о которые с равномерным грохотом разбивались бело-синие волны.

Я просыпался от этого грохота.

— Мама, что это?

— Спи, маленький, — говорила она. — Это радио. Салют в Москве. Наши взяли ещё один немецкий город...

Каравелла

Карта и каравелла появились у нас почти в одно время. Карта — на сутки раньше.

В тот день я сидел дома, потому что утром старательно изобразил ужасный кашель. Татьяна разразилась длинной речью, обвиняя меня в лени и обмане, но мама вздохнула и разрешила в школу не ходить.

Итак, я лодырничал и пропустил важное событие, которое произошло в школе.

В положенное время вернулся с уроков Павлик. Окружённый морозным облаком, он ввалился в кухню и втащил за собой тонкие жерди, обмотанные грязной бумагой и марлей. Валенки его гремели, как ведра. С них сыпалась ледяная корка. Павлик поочередно дрыгнул ногами, и валенки, стуча, разлетелись по углам.

Я молча хлопал глазами.

Павлик тем временем гордо поднял жерди, тряхнул их, и предо мной с треском развернулась карта полушарий.

Со сдержанным торжеством Павлик сказал:

— Во! Видал?

Я оглушённо молчал. Первое впечатление было такое, словно непонятный великанище глянул на меня в синий бинокль.

Потом почудилось мне в карте что-то знакомое. Конечно, таких больших карт я раньше не видел, но всё равно знакомое в ней было. Она была синяя и белая.

Два синих круга на белом поле. Жёлто-зелёные материи с тёмными жилками рек лишь чуть-чуть вносили пестроту.

Синий и белый цвета были главными.

Уже потом я заметил, что карта местами протёрта насквозь, что белые края украшены жёлтыми подтеками, что один бок отсырел и бумага отклеилась от марли, а марля оторвалась от реек. Но в ту минуту я стоял перед ней, как перед заморской диковинкой, и ждал чего-то необычного.

История карты была связана у Павлика с первым плаванием и опасностями...

Наша маленькая школа занимала старинный дом, в котором до революции жил какой-то купец. Мы учились на верхнем этаже, а нижний, полуподвальный, всегда пустовал. Осенью и весной его заливало, а зимой там было холодней, чем на улице. Всем был известен давний порядок: весной и осенью — вода, зимой — холод. Но в тот день, когда я «болел», порядок был нарушен: случилось зимнее наводнение. Говорят, лопнула какая-то труба.

Первые два урока школа жила радостным ожиданием: все были уверены, что вода вот-вот замёрзнет. Тогда нижние комнаты превратятся в чудесные катки. Можно будет со свистом носиться на скользких валенках по гулким залам, можно будет играть в «бурю», гоняя по льду пустые пузырьки из-под чернил.

Однако вода упрямо не застывала. Видимо, назло. Разведгруппы тайными путями проникали в подвал и возвращались с кислыми лицами. К третьему уроку в школе царило уныние. Только самые упорные не поддались печали. И Павлик не поддался.

После третьего урока он двинулся на разведку снова. Дверь в подвал была, конечно, закрыта. К тому же перед ней разгуливали две дежурные девчонки с карандашами, чтобы записывать нарушителей, и уборщица тётя Феня с метлой. Но у разбитого оконца, которое выходило во двор, никто не дежурил. Павлик пробрался к нему по сугробам. Он просунул голову и плечи в гулкий сырой полумрак. Конечно, сначала он ничего не увидел. Помещение было без окон — что-то вроде широкого коридора, куда выходили двери всех комнат. Павлик сжал в ладони и бросил вниз снежный комок. Он думал, что услышит всплеск незастывшей воды, но комок ударился обо что-то твёрдое. Лёд?

Павлик перевесился через подоконник. Нет, чёрная вода поблескивала по-прежнему. А под окном приткнулись к стене три доски, сколоченные вместе. Это были остатки мостиков, по которым здесь ходили во время осеннего потопа.

Три сколоченных доски — это плот. Какой нормальный человек откажется от плавания по пустому подвалу, таинственному, как пещера капитана Немо! Павлик был нормальный человек. Он втиснулся в окошко вперёд ногами, повис, держась за подоконник, и прыгнул на доски.

От удара и от тяжести край плотa ушёл на глубину. Вода залила валенки. Авария! Что бы не было полной катастрофы, Павлик бро-

сился с края на середину. Плот выпрямился и незаметно отошёл от стены.

Только тут отважный капитан сообразил, что никакое судно не может плыть само собой, по щучьему велению. Нужен мотор, или парус, или, в крайнем случае, весло. Если нет весла, можно грести и ладонями, но для этого надо наклоняться, тянуться руками до воды. А как дотянешься, если плот качается? Вот-вот угодишь за борт. Ни присесть, ни наклониться.

Оставалось громко зареветь и сдаться тёте Фене и дежурным.

Павлик не заревел и не сдался. Он представил, как поведут его на глазах у всей школы к директору Марии Павловне. Ужас! Под конвоем, в мокрых валенках. Под злорадное хихиканье девчонок! Не директора он боялся, а унижения.

Павлик на пиратский манер заскрипел зубами и прищуренно оглянулся, ища выхода. И нашёл. В трёх метрах от него поднимался над водой большой полуразвалившийся шкаф. Дверца его была украшена медной ручкой, похожей на узорный крюк. Павлик, вздрагивая от холода и злости, стянул с себя свитер и рубашку, снял ремень. Ремень он привязал к рукаву рубашки, а другой рукав узлом притянул к обшлагу свитера. Потом сделал на ремне петлю.

Он говорил, что накинул этот аркан на ручку шкафа со второго раза. Наверно, хватался. Но так или иначе накинул. И подтянул бортом к шкафу своё судно. Край плотa прижался к этому «причалу», и плот стал устойчивей. Павлик осторожно дотянулся до дверцы, чтобы оторвать рейку. Рейкой можно было грести и отталкиваться. Он рванул. Дверь сорвалась и грохнула поперёк плотa. По подвалу грянуло барабанное эхо. Павлик присел, ожидая вторжения тёти Фени. Но было тихо.

Стуча зубами, он оделся. Потом заглянул в шкаф. Там плавал большой глобус с пробоиной в районе северной Атлантики, а в углу стояли две большие палки, обмотанные грязной марлей. Сначала Павлик не подумал, что это за палки. Просто решил, что они длиннее и удобнее, чем рейка. И взял их.

— За них меня и вытащили, — сказал он. — А то как бы я выбрался? Окошко-то высоко, не уцепишься.

— Кто вытаскил?

— Да так... Девчонка одна. Милка Журавлёва. Она сзади меня на парте сидит. Я у неё чернила макаю, когда у меня нет.

Я хихикнул. Имя было коровье: так звали корову Таисии Тимофеевны. А Павлик неожиданно рассердился:

— А чего гогочешь? Кроме неё, никто не знал, что я туда полез! А она знала и прибежала посмотреть, где я. И вытащила. А кто бы ещё вытащил? Ты, что ли?

Я гордо и обиженно ответил, что, конечно, вытащил бы, если бы был в школе. А Павлик сказал, что раз меня не было, то и хихикать нечего.

— Слушай лучше...

Только во дворе Павлик понял, какая у него ценная находка. Карта всего мира! Он решил, что школе она не нужна, а нам нужна очень. И сунул её в снег.

Весь четвёртый урок Павлик провёл в беспокойстве: не украл ли кто-нибудь карту? Но она оказалась на месте...

Мы прогладили карту горячим утюгом, заклеили дыры, подровняли разлохмаченные края. Потом один конец верхней рейки положили на спинку кровати, а другой — на гвоздь, который Павлик нарочно вколотил в стену. Угол наш у печки оказался совсем отгороженным. Мы захватили в свои владения тумбочку, выкинули из неё всякий хлам и решили хранить в ней книжки.

Карта сделала уголок похожим на каюту. И все океаны, все земли были перед нами.

На следующее утро Павлик не пошёл в школу. Не потому, что простудился. С ним-

то ничего не случилось. Но чтобы просушить как следует валенки, Павлик затолкал их за печку, а она оказалась слишком горячей, и один валенок обгорел. У него обуглился бок и вывалилась пятка.

Открылась эта беда утром. Я услышал, как тётя Аня за стенкой кричит плачущим голосом:

— Паразит ты безмозглый, нет на тебя никакой гибели! Не мог ты сам сгореть у этой печки! Это что же такое делается на свете!

Затем донеслись удары, похожие на отдалённое уханье барабана. Я узнал после, что тётя Аня в великой досаде лупила дорогого сына обгоревшим валенком между лопаток. И в самом деле, как тут было не расстроиться? Других валенок у Павлика, разумеется, не было. Их надо было покупать или выменивать на толкучке. Чтобы купить — лишние деньги нужны. А чтобы выменять... Ну, на что обменяешь? Чаще всего меняли на хлебные карточки. Но ведь тогда с голоду совсем завоешь.

Однако лупи не лупи, горю не поможешь. К тому же после каждого удара валенок выбрасывал клубы едкой коричневой пыли. Тётя Аня закашлялась, швырнула остатки валенка под кровать и ушла на работу. Дверью грохнула так, что дом заколыхался и долго дзенькал стёклами, а наш старый самовар крякнул и осел на один бок.

Павлик остался дома. Я позавидовал такой его удаче и поплёлся один в школу, потому что повторить свой трюк с кашлем не решился. Когда я вернулся, Павлик встретил меня на пороге. Сказал нетерпеливо:

— Пойдём, покажу что-то...

В комнате на чёрной клеёнке стола лежала знакомая мне летняя испанка с кисточкой. Вернее, не лежала, а стояла торчком, пряча под собой что-то загадочное.

Павлик оглянулся на меня и поднял испанку за уголок. Поднял осторожно, словно там сидела удивительная бабочка и он не хотел, чтобы эта бабочка сразу улетела.

Она не улетела. Она оказалась белым корабликом.

Кораблик был нарисован на бумаге, вырезан и держался на маленькой подставке. То есть мне сначала показалось, что он нарисован, а потом я разглядел, что это печатная картинка.

Были у кораблика круглые борта, высокая узорчатая корма, туго надутые паруса разных размеров и форм. Самый маленький парус пристроился под задорно вздёрнутым бушпритом.

Удивительный был кораблик — весь наполненный ветром.

Павлик ласково сказал:

— Каравелла... Вот она какая.

Так появилась у нас каравелла.

В общем-то не случилось ничего необычного. Просто Павлик начал от скуки рыться в старых журналах и нашёл в одной картинке с корабликом. Он безжалостно вырвал лист, наклеил варёной картошкой на кусок картона и очень аккуратно маленькими ножницами вырезал каравеллу. Потом он укрепил её на подставке из разрезанной пополам картофелины.

А днём он показал каравеллу мне. Вот и всё.

Но мы оба понимали, что это не всё. Потому что очень хотелось необычного.

— Пойдём, — сказал Павлик.

Мы пролезли за карту, в нашу «каюту». На тумбочке вместо развалившейся электроплитки с чайником стояла старая лампа без абажура. Она ровно и неярко освещала пёстрые земли и синие океаны. Без лампы здесь было бы темно: ведь печка не топилась.

Павлик посмотрел на меня с незнакомой какой-то улыбкой — немного смущённой и мягкой.

— Океаны есть, — сказал он. — Моря есть... Да, Владик? Можно плавать где хочешь...

Было тихо. За окнами далеко прогудел паровоз. Скреблась за шкафом старая, всем знакомая мышь. Еле слышно звенел в горячей лампочке волосок. Я молча поставил на ладонь каравеллу и поднёс её к карте. Она оказалась в Охотском море.

— Нехорошее место, — вполголоса сказал Павлик. — Японцы, подводные лодки.

Я кивнул и, качнув ладонью, повёл каравеллу к выходу в океан, держась у берегов Камчатки.

Так началось Плавание.

Уставала рука. Ныло плечо, затекала кисть. Ведь плавание продолжались подолгу, и всё это время приходилось держать кораблик у карты. В поднятой ладони.

Конечно, можно было сделать иначе. Можно было карту развернуть на полу, а каравеллу двигать по морям, как пешку по доске. Но мы так никогда не поступали. Почему? Трудно объяснить. Нет, мы не боялись открыть нашу «каюту»: всё равно все вечера мы были одни. Боялись другого: если сделаем что-нибудь не так, как вначале, исчезнет радость игры. Эта радость, окрашенная легким отблеском тайны и приключений, требовала многого. Ей нужен был тихий шелест висящей карты, потрескивание огня, покачивание ладони, на которой стоит каравелла. И даже ноющая усталость в руке была нужна. Так уставали руки рулевых после долгих штормовых вахт. Мы боялись что-то изменить. Так боялся лёгким шумом спугнуть лесную тишину или неточной линией испортить хороший рисунок.

Мы полюбили каравеллу радостно и крепко. Порой я забывал, что она просто плоский бумажный кораблик. Каравелла снилась по ночам — большая и настоящая. Подробно и ярко я видел, как подходит она к скрипучему деревянному пирсу и выпуклый борт её нависает над горами пузатых бочек, свернутыми в кольца канатами и причальными тумбами. Высоко поднимается корма, похожая на узорчатый дом с узкими окнами и балкончиками. Пахнут дёгтем коричневые доски обшивки. Почему-то пахнут огуречным рассолом желтоватые свёрнутые паруса. На тугих, как струны, вантах сидят и весело скалят зубы парни в пёстрых косынках. И вся каравелла, ещё не остывшая от солнечного жара южных морей, дышит теплом, как подошедший вплотную паровоз...

Слова «мыс Горн», «Кейптаун», «Каттегат», «Тасмания» уже не звучали как непонятная музыка. Мы знали, где эти места, чем хороши и чем опасны. Мы прошли на

своем судне через два океана вслед за Диком Сэндом, а потом повторили тяжёлый путь Лаперуза. О Лаперузе прочитали мы в суровой и печальной книге «Навстречу гибели».

Тень нашей каравеллы скользила по океанам.

Ещё в тот вечер, когда я впервые поставил каравеллу на ладонь, Павлик сказал:

— Ты не шурши ею по карте, держи ближе к свету. Пусть на карту падает тень. Там, где ляжет тень от бушприта, — там мы, значит, и плывём.

Я придвинул каравеллу к лампе, нацелив бушприт на мыс Доброй Надежды. Тень нашей каравеллы тёмной бабочкой легла на Индийский океан...

Там, где ляжет Тень Каравеллы, зашумят над волнами наши паруса и защёлкают флаги. Там, где ляжет Тень Каравеллы, мы пройдем сквозь тяжёлые удары выстрелов и штормовое завывание ветров.

Там, где ляжет Тень Каравеллы, будут трудные дороги, соль разъест на ладонях кожу, морозы сожгут лицо, солнце обуглит плечи. Тысячи загадок лишат человека покоя и сна. Но не будет там в жизни уныния и ленивой скуки.

Два капитана и Боббин Гапп

Павлик, брат мой и товарищ... Вот ведь как получилось! Семь лет жили рядом, переключались по вечерам через тонкую стенку, спорили временами, вместе иногда в кино бегали, случалось потом — вместе шагали в школу. Заглядывали в гости, чтобы поболтать — просто так. И не знали до той зимы, как мы нужны друг другу.

А ведь были нужны, чёрт возьми! И не только в те вечера. Ведь недаром так отчаянно искали друг друга потом, хотя в жизни хватало иных забот.

Я помню, как встретились мы через... даже боюсь сказать, сколько лет. Я приехал к нему в окружённый соснами городок, взлетел по лестнице на третий этаж, отбиваясь чемоданом от возмущённого вахтёра, толкнул дверь со знакомой фамилией на табличке...

Конечно, я знал, что не увижу там худого мальчишку с отросшей чёлкой над озорными глазами, в больших валенках и голубом бумажном свитере с широкой щелью застёжки на левом плече. Но всё же растерялся на секунду. Я увидел коренастого дядьку

с залысинами, с рубцом на щеке. Дядька энергично орал в телефон. Я с удовольствием выслушал конец разговора:

— ...посылал и буду посылать! И не одну, а четыре экспедиции. Нет, четыре! Что?! Пусть катится со своей комиссией ко всем морским ведьмам! Вот так! — Он швырнул трубку на рычаг и поднял на меня глаза. Дядька был незнакомый, а глаза — Пашкины. — Значит, это ты и есть? — спросил он, остывая и делаясь насмешливым (вот язва, всё такой же!).

— Свинство не писать столько времени, — сказал я, швыряя в кресло чемодан (кресло охнуло). — Бюрократ. Телефончики тут у него, понимаете ли... И скажи вашему вахтеру там, внизу, чтобы не кидался на меня, как на шпиона...

— Смотри-ка ты, — заметил он, прищурившись, — ещё и ругается. Ну-ну... А в общем-то ничего, хорош. Длинные брюки тебе идут. И значок университетский...

— Лысая образаина, — сказал я. — А ведь был когда-то похож на человека.

— Книжечки всё пишешь? — спросил он. — Знаю, читал как-то. Одну. Ничего. Не Чехов, конечно...

— Он читал! — хмыкнул я. — Можно подумать, что он что-то читает, кроме своих

графиков и отчётов. Растерял всю шевелюру над своими синхрофазомолотилками. Кабинетная крыса.

Мы медленно сошлись, меряя друг друга насмешливыми взглядами. Он вдруг облапил меня и тихо сказал:

— Владька... Владька...

— Павлик...

Но это было потом, долгое время спустя. А в ту зиму мы не думали ни о будущих встречах, ни о расставаниях. Мы были счастливы.

Среди огорчений и редких радостей школьной жизни, среди снежных игр и дневных забот Павлик оставался прежним. Как и раньше, убегал куда-то с незнакомыми мне Серёгой Сазоновым и Вовкой Брыком. На переменах со своими приятелями гонял во дворе обледенелый дырявый глобус, который у них назывался «мяпа». Строил с Дыркнабом какие-то сани с рулём. Правда, он не насмешничал, как раньше, но почти забывал про меня.

Но я пишу про Каравеллу. И та зима вспоминается сейчас не застывшими чернилами, не тетрадками, сшитыми из газет, не очередями у магазина. Она вспоминается как непрерывная цепь «корабельных» вечеров.

В ожидании такого вечера Павлик становился спокойным и ласковым. Он даже называл меня Владик, а не Владька, хотя Владькой меня звали все, в том числе и мама.

Я приходил к Павлику, когда за окнами плотно синели сумерки. Он меня ждал, не зажигая света. Бесшумно выходил из комнатного сумрака и вполголоса говорил:

— Пришёл... Хочешь хлебушка?

Он вынимал из кармана плоский кусочек и ломал пополам...

Несколько лет спустя я услышал или прочитал где-то слова: «... и у огня он разломил с ним свой хлеб». Это были слова о братстве. Я вспомнил тот ломтик хлеба, частичку четырёхсотграммового пайка.

Но это случилось потом. А тогда мы жевали кисловатый мякиш, разжигали печку и включали лампу. И доставали из тумбочки Каравеллу.

Мы не спорили об имени корабля. Он был просто Каравеллой. Мы не делили должностей и званий: оба были капитанами. Зато делили пополам не только хлеб, но и подвиги, и славу.

А подвигов было много. Вот их история, история Каравеллы, сложившаяся у огня и карты.

Однажды весной два моряка с миноносца «Летучий» попали в плен к фашистам. Эсэсовцы заковали их в цепи и отправили на гранитный остров у западных берегов Балтики. Ночью пленников держали в холодных фанерных бараках, а на рассвете угоняли на другой конец острова, где был тайный подземный завод. На заводе выпускались торпеды.

Конечно, два храбрых моряка не собирались работать на фашистов. Тёмной ночью они распилили цепи, стукнули часовых тяжёлыми табуретками и отобрали у них автоматы. Потом беглецы бросились на аэродром, где стоял двухместный самолёт начальника лагеря. Перестреляв охрану, они запустили моторы и взмыли над гранитными зубцами острова.

Моряками были, разумеется, Павлик и я.

Мы вырвались на волю! Сначала сбросили на завод бомбы, которые нашлись в самолёте, а потом взяли курс на восток. Завод рвануло так, что самолёт отбросило километров на сто! От удара мы потеряли сознание.

И я, и Павлик были, конечно, хорошими моряками, но хорошими лётчиками мы не были. Да и самолёт был дурацкий — не наш, а немецкий. Мы заблудились среди туманов и туч. А потом ударил штормовой ветер, и нас понесло неизвестно куда. Горючее давно кончилось, но ветер был такой, что носил самолёт, как бумажную голубку. А когда шторм кончился, мы увидели под крыльями волны океана.

Павлик посадил самолёт. Машина была лёгкая и качалась на волнах, словно лодка. Из парашюта мы соорудили отличный парус, и пассаты несли нас по океану, пока не встал из воды заросший пальмами остров.

В чём нравственная сила Святого Великого князя Владимира?

Великий князь Владимир Святославович

Иже сотворит и научит, сей велий наречётся в Царствии Небеснем. Мф 5, 19. Почему свят и наречен равноапостольным великий князь Владимир? Он обратился от языческой тьмы к свету Христову, крестился сам, крестил киевлян и послал крестить в другие города и области своего княжества.

Он первый из всероссийских правителей стал христианином и положил начало христианскому устройению Русского государства. С него Русская держава начинает быть православной и христианство проникает во все области народной и государственной жизни.

Действовал ли он при том только как правитель, являлись ли его действия, направленные к тому, только государственными деяниями? Нет, он сам в себе проявил истинного христианина и проповедовал Христа не

столько словом, сколько личным своим примером.

Воспитанный в язычестве, князь Владимир, хотя и слышал в самом раннем детстве о Христе от своей бабушки, блаженной княгини Ольги, был сначала ревностным язычником. Он усердно исполнял языческие обряды, старался угодить языческим богам, приносил им благодарения за успехи, потому что был убеждён, что служит истине.

Когда же произошло убийство толпой киевлян

Святитель Иоанн (Максимович)

св. варяга Феодора и сына его Иоанна, на которого пал жребий быть принесённым в жертву Перуну в благодарность за одержанную победу, Владимир понял, что он ошибался. Он почувствовал разлад между законом нравственным и требованиями язычества и чуткой душой ощутил его неправоту. Искание истины и правды привело его к Православию, и, преодолев все внутренние и внешние препятствия, стоявшие на пути

Крещение Руси. Фреска работы В. М. Васнецова в Киевском Владимирском соборе

Крещение князя Владимира. XIII век. Радзивилловская летопись

к нему, он принял святое крещение.

Теперь, ставши христианином, он стал служить Христу ещё ревностнее, чем раньше служил богам языческим. Ныне он уже всем существом приносил себя самого и всё, чем обладал, в жертву Истине, ибо учение христианское открывает Божественные истины и выражает высо-

чайший нравственный внутренний закон.

Владимир стал иным после крещения. Он сохранил в себе все лучшие качества, которые имел прежде, отвергнув от себя все свои порочные наклонности и привычки. Из жестокого, не пожалевшего даже родного брата, убитого во время междоусобной войны с

ним, он сделался настолько мягкосердечным, что не хотел казнить и преступников, делая то в исключительных случаях, чтобы пресечь злодеяния.

Из распутного он стал целомудренным, оставил многочисленных своих прежних жён и жил в честном супружестве с сочетавшейся с ним христианским браком царевной Анной. Из хищного завоевателя он становится миролюбивым правителем. Из корыстолюбивого собирателя дани он стал равнодушным к земным сокровищам, будучи всегда готов жертвовать ими для приобретения невестественных ценностей. Для дружины он был теперь не столько грозным предводителем, карающим малейшее ослушание, сколько мудрым на-

Великий князь Владимир выбирает веру. И. Эггинк. 1822 г.

Беседа Владимира с греческим философом о Христианстве. Радзивилловская летопись

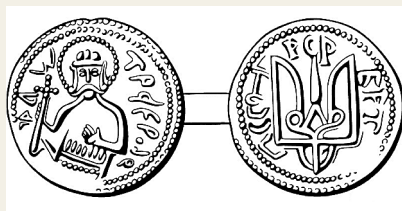
чальником, понимающим душу своих подчинённых и ценящим своих сподвижников.

Для всего народа, ему подвластного, он стал любящим отцом, заботящимся обо всех своих многочисленных чадах, каковыми являлись для него теперь его подданные, пекущимся об удо-

влетворении всех их нужд и потребностей.

Особое внимание его привлекали теперь те, кто был беспомощен, — сироты, вдовы, калеки. О них особенно вспоминал князь Владимир во время празднеств и рассылал им возы с пищей и другими необходимыми вещами.

Самые празднества были теперь не разгулом, а взаимным радостным братским общением. Во всех областях жизни проявлял себя христианином великий князь Владимир

Сребренник князя Владимира конца X века

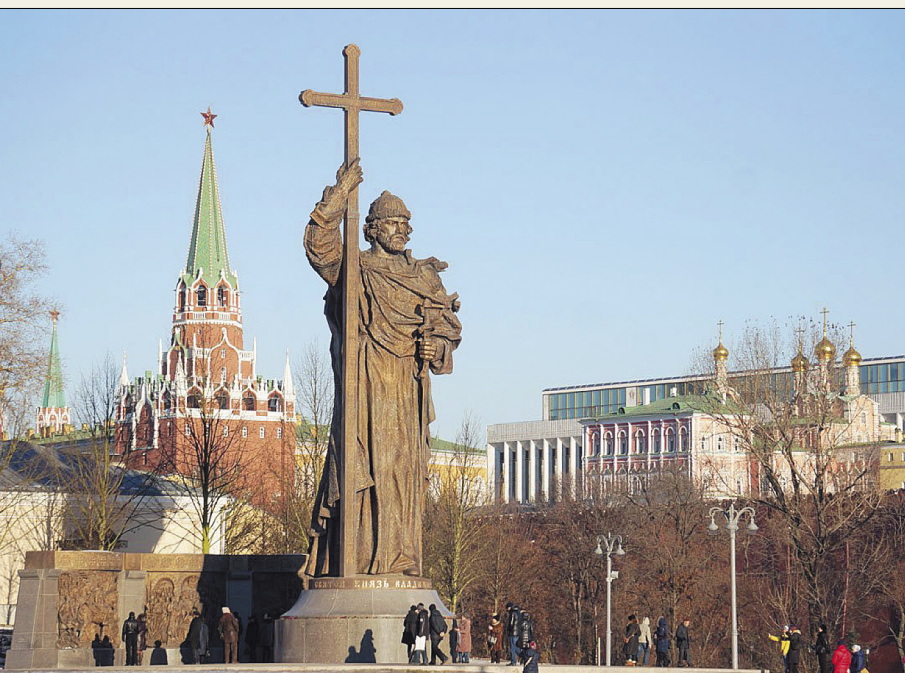

Святой равноапостольный князь Владимир

Красное Солнышко — и в жизни своей личной, и в семейной, и в общественной, и в государственной. Познав истину, он служил ей от всего сердца, распространяя свет всюду, где мог. Он в себе самом являл олицетворение учения Христова, был во всём примером для подражания. Посему так бы-

Крещение князя Владимира. Фреска работы В. М. Васнецова в Киевском Владимирском соборе

Памятник князю Владимиру на Боровицкой площади в Москве

Памятник тысячелетию Руси в Новгороде. Князь Владимир. Фрагмент

Памятник князю Владимиру в Киеве

стро и глубоко Православие проникло во все стороны русской жизни. Князь увлекал всех своим личным подвигом. Он был победителем себя самого, через то властвовал над другими, проповедовал Христа своими деяниями, к какой бы области они ни относились. Он служил истинному Богу как отдельная личность, как глава семейства, как вождь, как судья, как правитель, как государь. Он был всегда тем же служителем Истине и Правде, стремясь, чтобы они царствовали всюду.

Он глубоко осознал, что лишь елика суть истинна, елика честна, елика пра-

ведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала (Флп 4, 8) — должно быть основой жизни как отдельного человека, так и всего народа. Посему он не отделял одно от другого и то, что проявлял в личной жизни, осуществлял в государственных делах.

Тот новый дух цельности, единства во всех областях жизни и осуществления правды во всём показал в себе самом и передал русскому народу святой Владимир. Он его Просветитель и Креститель, государь и апостол, воевода и учитель, объе-

динитель и хранитель. Ему следовали его лучшие преемники, и не случайно именно в день его памяти была одержана Невская победа благоверным великим князем Александром, в котором ярко отпечатлелся духовный облик его равноапостольного предка.

Служение Богу, начатое св. Владимиром на земле, продолжается ныне у Престола Всевышнего, предстоя которому он молится за Русскую землю, им просвещённую и освящённую, и сияет с высот небесным светом, озаряя русским людям путь к Истине и Правде.

Православие.ru

Там нас захватили в плен туземцы. Привязанные к пальмам, целый день мы жарились на солнце, а племя решало нашу судьбу. Наконец судьба была решена, и коричневые воины деловито зачиркали брусками по наконечникам стрел и копий.

— Скверное дело, — заметил Павлик. — Надо как-то сматывать удочки, а то продырявят в десяти местах.

Старый лохматый вождь Табу-Ретус, закутанный в плащ из нашего парашютного щёлка, настороженно прислушивался к Пашкиным словам. Потом озабоченно заговорил по-английски (мы его, конечно, поняли):

— О чужеземцы! Речь ваша мелодична и совсем не похожа на карканье тех, кто прилетал сюда раньше на железных птицах с чёрными крестами. Кто же вы?

Мы горячо заверили почтенного вождя, что не имеем ничего общего с теми, кто прилетал сюда раньше, а «железную птицу» похитили у своих врагов.

В тот же вечер был большой праздник, и под бой барабанов племя смелых охотников за акулами приняло нас в почётные вожди. А старый Табу-Ретус, прослезившись от волнения, сказал:

— Мы были бы счастливы, если бы вы навсегда остались с нами. Но вы — отважные воины. Вас зовёт дорога битв и подвигов. Мы не задерживаем вас. Много тысяч лун назад здесь впервые появились белые люди. Они приплыли и погибли, потому что пришли как враги. Остался их корабль. Он стоит в тихой лагуне. Он стар, но крепок. Вы пришли как друзья, и этот корабль — ваш. Да хранят вас демоны моря...

И мы увидели Каравеллу.

Удивительно, как она сохранилась. Даже краска на деревянных узорах кормы облезла лишь местами. На гладком полу кают лежали солнечные рисунки узких решётчатых окон. Под бушпритом, на блинда-рее, зелёной бахромой повисли пышные лианы. Казалось, что у Каравеллы выросли усы. Мы взялись за ручки штурвального колеса. Оно со скрежетом повернулось, шевеля заснувший руль: в порядке. Паруса истлели, но у нас хватало материи от парашютов. Днище было обито медью, и морские черви его не тронули.

На палубе мы увидели восемь позеленевших пушчонок и подарили их Табу-Ретусу. Нам требовалось иное оружие.

Мы вооружили Каравеллу малокалиберной пушкой с самолёта, а потом, когда пото-

пили пару немецких торпедных катеров, поставили ещё несколько пушек и пулемётов.

И началась такая жизнь, что захватывало дух.

Мы жили в морях удивительных, как сон. В них бродили пиратские брига, всплывали под звёздное небо невиданные чудовища, у островов сквозь солнечную воду видны были затонувшие корабли. На них скрывались тайны и клады. А по горизонту, зловеще дымя, тянулись немецкие эскадры, ещё не зная, какие беды им несёт старинный корабль с блестящими парусами.

Для начала мы разгромили у берегов Тасмании парусную флотилию кровожадного Джимми Косопуза, а потом в северных фиордах утопили один за другим двенадцать фашистских катеров-торпедоносцев и сожгли их базу. После этого ушли в реку Амазонку, чтобы поохотиться на крокодилов. Это была не просто забава. Из крокодилий шкур мы хотели сшить водолазные костюмы, чтобы в них пробираться на вражеские корабли.

В устье Амазонки нас заперла немецкая подводная лодка «Летучая пиявка».

Командир «Пиявки» фюрер-капитан БоббинГапп, размахивая белым флагом, явился на борт Каравеллы. Он был худой и длинный, как грот-мачта, с лошадиной головой и блестящими стальными зубами. На его высокой фуражке сверкал череп со скрещёнными якорями. Приятно улыбаясь, БоббинГапп заявил:

— Я буду иметь предложить вам сдаваться. Ваша борьба есть без пользы. Если вы сдадитесь, мы вас отпустить домой. Если нет, мы вас бросим к акула.

— Мы будем иметь дать вам по шее, — учтиво ответил Павлик, — если вы сейчас же не уберётесь на ваш ржавый бочонок. А потом мы будем иметь пустить вас на дно. Только жаль акул, которые отравятся вашим протухшим мясом.

Боббин Гапп отправился восвояси и вызвал по радио на помощь два миноносца и пиратский клипер «Три кашалота».

Конечно, мы обманули врага и ночью ускользнули в океан. Однако на следующий день «Пиявка» и её друзья стали догонять нас. Отстреливаясь, мы растянули на реях и штагах всю материю, до последней салфетки.

К счастью, дул хороший ветер с веста. Клипер мы подожгли, а миноносцы и субмарина отстали.

Это был горячий денёк и счастливый вечер. Ох, какая это радость, когда выигран бой, остывают стволы, ветер поёт в такелаже, а впереди свободное море!

...В пятнадцать лет, когда, как и всем, пришла мне пора писать стихи, я вспомнил подвиги Каравеллы и об этом вечере оставил такие строчки:

*В ушах утихнул звон. И сумерки легли.
Ушли за тёмный горизонт
Чужие корабли.
Мы без огней плывём во тьме,
Уйдя от всех погонь,
И лишь украдкой на корме
Горит, как свечка на окне,
Нактоузный огонь¹.*

В тот раз мы ушли от «Летучей пиявки», но скоро она догнала нас и опять несколько раз посылала в нас торпеды. К счастью, мимо. Ночью мы подкараулили, когда «Пияв-

ка» всплыла, чтобы набрать воздуха, и вцепили ей в рубку два снаряда. От такого «гостинца» БоббинГапп сразу потерял смелость и повёл свою посудину на базу ремонтироваться.

Пока он ремонтировался, мы освободили узников в том самом лагере, из которого бежали, побывали в Севастополе, где получили награды от командующего флотом, потом боролись с ураганом в гремящих сороковых широтах, охотились за работоторговцами на южном побережье Африки. И наконец, решили навестить старого друга Табу-Ретуса.

У самого острова нас опять настигла проклятая «Пиявка». Мы едва успели проскочить в лагуну.

Мы сидели в гостях у охотников за акулами, а гнусный БоббинГапп на своей посудине болтался у входа в лагуну и каждый день присылал с парламентами ехидные письма.

Мы жаловались Табу-Ретусу:

— Чёртово подводное корыто! Если бы вытянуть его на поверхность, мы бы дали ему прикурить! А под водой как его достанешь?

¹ Нактоузный огонь — лампочка на нактоузе (стойке, на которой укреплен корабельный компас).

Сергей Глядкин

Под парусами Каравеллы

80 ЛЕТ ПИСАТЕЛЮ КРАПИВИНУ

произведений для детей и юношества», количество изданий его книг перевалило за две сотни. Книги переведены на многие языки, включая персидский и японский, — они включены в японскую 26-томную серию «Избранные сочинения русских писателей для подростков».

Если говорить о предшественниках, надо отметить, что Крапивин высоко ценил творчество Александра Грина: «Видеть необычное в самом простом, разглядеть тайну в обыденной вещи — это не значит приукрасить вещь и превратить её в игрушку. Наоборот, это значит проникнуть в её глубину, открыть её сущность. Именно этим талантом и обладал Грин». Юность обоих писателей прошла в небольших провинциальных городах вдалеке от моря, но оба грезил о морских приключениях. Грин смог выплеснуть свою мечту только на страницы своих книг. Крапивину с воплощением мечты повезло больше, он строил свои суда и ходил на них в походы. У него были товарищи и продолжатели его дела. Но в судьбах двух писателей гораздо больше точек соприкосновения. В Вятку — родной город Александра Грина (сейчас он называется Киров) Крапивин приезжал в 2001 году на церемонию вручения ему премии имени А. Грина. Во время мероприятия он рассказывал, что его мать Ольга Петровна тоже родом из Вятки. Здесь они поженились с Петром Фёдоровичем — его отцом. Здесь бы родился и он сам, но время было непростое — посмотрите ещё раз на год рождения писателя. В общем над семьёй Крапивиных сгустились тучи, и хорошие знакомые посоветовали им переехать в другой город.

В журнале мы печатаем отрывок из повести «Тень Каравеллы» — пожалуй, самой автобиографичной из книг Крапивина. Она является ключом ко многим другим произведениям писателя, а в какой-то мере и ко всему его творчеству. Недаром сам он говорил, что «ни над одной своей книжкой я не мучился так долго...» Вообще у его книг счастливая судьба — они нашли своих читателей и, так же как 50 лет назад, учат их совсем не простым вещам: что такое добро и зло, правда и справедливость.

А закончить хочется словами ещё одного романтика — Сент-Экзюпери: «Мы дышим полной грудью лишь тогда, когда связаны с нашими братьями и есть у нас общая цель; и мы знаем по опыту: любить — не значит смотреть друг на друга. Любить — значит смотреть в одном направлении. Товарищи лишь те, кто единой связкой, как альпинисты, совершают восхождение на одну и ту же вершину, — так они и обретают друг друга. Вот почему сейчас — в век комфорта — нам так отчаянно делиться в пустыне последним глотком воды».

С книгами Владислава Крапивина я вырос. Первая встреча произошла в незапамятные времена в журнале «Пионер». Ощущение было такое, будто совершенно неожиданно встретил хорошего друга, сверстника, с которым можно поговорить о самом важном в жизни. И вот товарищ детства празднует своё 80-летие. Самые теплые поздравления вам, Владислав Петрович!

Многие готовы присоединиться к этим словам. Вот ещё одно свидетельство тех, кто рос в те глухие года, ходил на нудные пионерские собрания и читал удивительные повести Крапивина, о мальчишках и девчонках, с которыми так хотелось подружиться: «Я знаю, что был где-то клуб “Каравелла”. Но в нашей жизни ничего такого не было. Книги были пронзительными и светлыми. Взрослые не всегда были правы, пионерская трескотня была формальностью, а дети, вот дети были... Как он их любит, этих своих девчонок и мальчишек! Родных детей не всем так удаётся полюбить. Мы выросли и пошли в мир с этими — не то чтобы идеями, скорее мечтами. Мало что из этого сбылось. Некоторым удалось построить свою каравеллу, других пообломало жизнью. Кто-то просто тихо переключился на детективы и телик. Но сохранился тот удивительный крапивинский заряд, где-то внутри».

Владислав Крапивин родился в Тюмени в 1938 году в семье педагогов. В 1956 году поступил на факультет журналистики Уральского государственного университета. После окончания ВУЗа несколько лет работает в газетах и журналах Свердловска. В 1965 году ушёл на творческую работу. В 1961 году Владислав Крапивин был создан детский клуб «Каравелла», а в 1965 году над ним взял шефство журнал «Пионер». В течение 30 лет Крапивин лично руководил отрядом, в котором дети занимались кораблестроением и журналистикой, морским делом, фехтованием и съёмкой кинофильмов. Несмотря на разнообразные трудности отряд рос и развивался — к настоящему моменту через разные его программы прошло около 20 000 человек!

Первая книга Крапивина вышла в 1962 году. Спустя два года автор был принят в члены Союза писателей СССР. Его книги были включены в «Золотую библиотеку избранных

Библиотеатр в Сестрорецке

Слышали ли вы, ребята, о чудесном городке-курорте Сестрорецке, расположенном на берегу Финского залива? Нет? А ведь он ненамного моложе Санкт-Петербурга. Ему недавно исполнилось триста лет. Знаете, кто его основал? Пётр Великий.

20 сентября 1714 года, осматривая после Гангутской виктории возвращённые России земли на северном берегу Финского залива, царь заметил недалеко от устья реки Сестры мыс с дубовой рощей на нём. И задумал он построить здесь свою загородную резиденцию. Этот день и вошёл в историю как день основания города.

Сказано — сделано. Дворец воздвигли. А вокруг дворца посадили 2000 молодых дубков, призванных символизировать мощь и величие Российского флота.

Петр I сам принимал участие в посадках. Он, как всем известно, всегда делал всё своими руками. Лучшего примера для подражания трудно подобрать. А поскольку царь очень любил воду, то через несколько лет, чтобы в парке заработали фонтаны, на реке Сестре построили плотину. Однако плотина пригодилась совсем для других целей: Северная война со Швецией требовала увеличения производства оружия. Был необходим новый завод, способный удовлетворять запросы в столь нужных для страны видах вооружения: Завод построили. На нём изготавливали фузеи офицерские и солдатские, шпаги, мушкетеры, пищали, пистолеты, кортики, палаши. В

этой войне Россия, как и в любой другой, конечно, победила.

А нынче каждое лето на озере Разлив запускают всеми любимый фонтан. Потoki красивейших разноцветных водных брызг вызывают восхищение окружающих. Смотрят они на фонтанчик — и видно, что всех так и тянет нырнуть и ощутить прохладу озера. Всё это видел своими глазами. И даже окупался.

Сестрорецк был и остаётся красивейшим малым городом России. Его современная архитектура прекрасно соседствует с нетронутыми девственными уголками природы, с уникальными памятниками истории. К примеру, построенная ещё до 1917 года беседка всегда была символом города. В ней выступал великий оперный артист России Фёдор Иванович Шаляпин, отчего её прозвали в народе Шаляпинской. К сожалению, резная деревянная беседка с течением времени разрушилась. По заказу Муниципального совета была установлена её точная копия. В городе много домов, которые из-за необычных архитектурных форм имеют имена собственные: «Баобаб», «Муравейник», «Бастилия», «Наполеон», «Змей Горыныч». Пассажиры маршрутки небрежно бросают водителю: «У Горыныча остановите, пожалуйста? У «Кубика Рубика» останови...»

И это далеко не всё, чем может удивить Сестрорецк. Представляете, ребята, в городе можно увидеть интереснейший памятник — прототип знаменитого «потопленного судна», то

есть, подводной лодки, построенный ещё в Петровскую эпоху. Изготовил уникальное судно и представил его Петру I сельский плотник Ефим Никонов. Изобретатель лодки-бочки испытывал своё судно трижды, но, к сожалению, этому чуду инженерной мысли так и не суждено было пополнить ряды славного Российского флота.

Копия первой российской подводной лодки находится на набережной озера Разлив. Она напоминает большую винную бочку, оснащённую перископом, вёслами, люком и другими деталями. Если заглянуть в окно, можно разглядеть внутреннее убранство необычного сооружения.

Город украшает немало интересных памятников: Петру I, писателю Михаилу Зощенко, известному советскому футболисту Всеволоду Боброву, конструктору стрелкового оружия Сергею Мосину...

В парке «Дубки» есть поляна сказок. На ней поселились деревянные сказочные скульптуры: крокодила Гены и Чебурашки, Бабы-яги и избушки на Курьих Ножках, Винни-Пуха и Пятачка, Маши и Медведя, Емели на печи, персонажей сказки «Репка», Богатыря с палицей.

Всех не перечислишь...

А вот о таком феномене, как библиотечный театр, вам, ребята, наверняка слышать не приходилось.

В Сестрорецке таковой имеется!

Звонок заведующей Центральной детской библиотеки имени Сергея Владимировича Михалкова я поначалу воспринял с некоторым удивлением. Ирина Борисовна приглашала меня на просмотр постановки по второй главе моей книги «Кулисы, или... Посторонним вход разрешён».

— И какой же театр взялся за это дело? — с удивлением спросил я. — Насколько мне известно, театра юного зрителя в Сестрорецке нет.

— Нет, — улыбаясь, ответила она. — Эта небольшая премьера состоится в нашем театре книги «Творчество», который существует уже двадцать два года. Приезжайте, посмотрите, поговорим.

Я человек на подъём лёгкий. Поезд — «Сапсан» Москва — Санкт-Петербург домчал меня до Московского вокзала за какие-то три с лишним часа. За пятнадцать минут доехал до станции метро «Старая деревня». Маршрутный автобус доставил меня до места. Но самое удивительное открытие ожидало сочинителя детских книжек впереди.

В скверике, у порога библиотеки поселились семь гномов! Главный гном — хранитель держит в руках походный журнал Петра I, а вес у него полтонны, где написано, как первый император России побывал на реке Сестре. Гном-

Гномы у здания библиотеки

Дуб — символ Сестрорецка

викинг покуривает изогнутую трубку. Гном-учёный так увлёкся чтением, что ни на кого не обращает внимания. К тому же он держит наготове перо, каждый день вписывает себе в книгу новые страницы жизни Сестрорецка. Гном-соня так устал от учёных трудов, что уснул прямо на подстилке из дубовых листьев. Дубки, как известно, один из символов Сестрорецка. Возле больших скамеек из натурального камня расположились два гномика. Один в шапке викинга, второй в треуголке петровских времён увлечённо читают. В руках гнома, который забрался на груды книжек, фонарь, который освещает походный журнал Петра I с записью об основании Сестрорецка.

В ожидании ещё одного чуда я переступил порог библиотеки. Вернее, ступил в ворота читального города, где созданы все условия для того, чтобы вы, ребята, с первых шагов своей жизни окунулись в пленительную атмосферу волшебной страны по имени Книга.

Рассказывать о том, что мне пришлось там увидеть, не имеет смысла. Это надо увидеть, ощутить всем сердцем и душой. Поэтому, мамы и папы, как только ваши чада начнут делать первые шаги, берите их за руки и ведите в эту библиотеку. Творческое восприятие мира им будет обеспечено. Именно оно поможет детям стать полноценными гражданами нашей великой страны.

Что до библиотечного театра...

Предвкушение от встречи с прекрасным я ощутил сразу, стоило только очутиться в его фойе. Фирменные афиши, оформленные замечательным художником, маняще-уютное про-

странство сцены, располагающие к созерцанию театрального действия кресла в зрительном зале, уходящие под потолок, как в римском Колизее.

Вот он какой — библиотечный театр, который существует, даже трудно представить, целых двадцать два года. И очень любим детворой Сестрорецка.

Как и положено, раздался третий звонок...

Представление началось. Увлечённый игрой артистов, я всё-таки поначалу недоумевал. Зачем художественному руководителю, режиссёру Елене Владимировне Коваленко, его замечательной труппе, состоящей из ребят всех возрастов и даже родителей, понадобилось переносить мой текст на сцену? Достаточно любому посетителю снять книжку с полки, раскрыть её на первой странице и самому проиграть всё, сочинённое автором, сообразуясь с собственным восприятием прочитанного. Но когда раздалась жаркие аплодисменты переполненного зрительного зала, который сам являлся активным участником на протяжении всего представления, меня осенило.

Нынешнее поколение чуть ли не с пелёнок воспринимает жизнь через видеоряд. И если на первых порах они вынуждены слушать читающих мам, то, взяв в руки «мышку», они любому чтению предпочтут изображение.

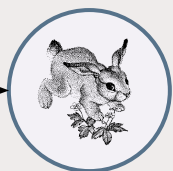
И библиотека умно, деликатно, изобретательно подводит ребёнка к книжной полке. Поглядели, мальчики, девочки, как завлекательно выглядит чтиво на сцене, а теперь возьмите книжку и окунитесь в мир, которому только что аплодировали. Как говорится, лиха беда начало.

«Нужное, полезное дело затеяла библиотека имени Сергея Владимировича Михалкова и её театр, — думал я, покидая гостеприимный Сестрорецк. — И последователи у неё найдутся. Обязательно найдутся. Время заставит».

Кстати, многие издательства после выхода сериалов на телевидении выпускают книги по горячим следам. И увлечённые зрители превращаются в не менее увлечённых читателей. Вот такой видеоряд, ребята!

Юные посетители библиотечного театра

ПРО ЗАЙЧАТ

Однажды на даче ко мне прибежал Никита и кричит:

— Папа, отдай кроликов! Папа, отдай кроликов!

А я не понимаю, каких кроликов ему отдать. И отдавать я никого не собираюсь, и кроликов у меня нет.

— Да что ты, Никитушка, — говорю, — что с тобой?

А Никита прямо плачет: отдай да отдай ему кроликов.

Тут пришла мама и всё мне рассказала. Оказывается, деревенские ребята принесли с лугов двух зайчат: они их на сенокосе поймали. А Никита всё перепутал. Надо было сказать: «Возьми зайчат», а он говорит: «Отдай кроликов».

Взяли мы зайчат, стали они у нас жить.

Ну и славные были зайчата! Этакие мохнатые шарики! Уши врозь, глаза коричневые, большие. А лапки мягкие-мягкие — будто зайчата в валеночках ходят.

Захотели мы зайчат покормить. Дали им травы — не едят. Налили молока в блюдце — и молоко не пьют... Сыты, что ли?

А спустили их на пол — они шагу никому не дают ступить. Прямо наскакивают на ноги. Тычутся мордочками в сапоги и лижут их... Должно быть, ищут мать-зайчиху.

Видно, голодные, а есть не умеют. Сосунки ещё.

Тут в комнату пришёл Томка, наш пёс. Тоже захотел посмотреть на зайчат. Они, бедняжки, на Томку наскочили, лезут на него... Томка зарычал, огрызнулся и убежал.

Как же нам накормить зайчат? Ведь они, бедняги, умрут с голоду.

Думали мы, думали и придумали наконец. Пошли мы искать им кормилицу-кошку.

Кошка лежала на лавке у соседнего дома, кормила своих котят. Она такая пё-

страя, расписная, даже нос у неё разноцветный.

Притащили мы кошку к зайчатам, она как зафыркает на них, как заворчит басом, чуть не воет. Да ну её!

Пошли мы другую кормилицу искать.

Видим, на завалинке лежит кошка, вся чёрная, с белой лапой. Мурлычет кошка, нежится на солнышке... А как взяли да подложили к ней зайчат, она сразу же все когти выпустила и оцетинилась. Тоже не годится в кормилицы! Отнесли мы её обратно.

Стали третью кошку искать.

Уж в самом конце деревни нашли. На вид такая хорошая, ласковая. Только эта ласковая-то чуть-чуть наших зайчат не съела. Как увидела их, вырвалась из рук да как бросится на зайчат, как на мышей.

Насилу мы её оттащили и за дверь выбросили.

Наверное, наши зайчата так и умерли бы с голоду, если бы, на наше счастье, не нашлась ещё одна кошка — четвёртая. Она сама к нам пришла. А пришла потому, что котят искала. У неё котята умерли, и она по всей деревне ходила и искала их... Рыженькая такая, худая; мы накормили её, напоили и уложили на подоконник и принесли к ней зайчат. Сперва одного зайчонка, потом и другого.

Сунулись к ней зайчата и сразу присосались, даже зачмокали — нашли молоко!

А кошка сначала задёргалась, забеспокоилась, а потом вылизывать их стала — и даже песенку замурлыкала.

Значит, всё в порядке.

Много дней кормила кошка зайчат.

Лежит с ними на подоконнике, а народ останавливается у окошка, смотрит:

— Вот так чудо, кошка зайцев кормит!

Потом зайчата подросли, научились сами есть траву и убежали в лес. Им там вольнее жить.

А кошка завела себе настоящих котят.

Евразжка

— А они вкусные? — поинтересовалась Лена, — А то мой суслик не ест даже сусли-мюсли.

Она сунула нос в пакетик. Красная таблетка пахла малиной, жёлтая апельсином, а белая — ванильным пломбиром. Лена и сама не заметила, как сунула её в рот и проглотила.

Сейчас же аптечный зал поплыл у нее в глазах, коробочки и пузырьки зашатались, потолок взлетел вверх, а аптекарь за прилавком вырос в великана. На самом деле всё как было, так и осталось. Это Лена стала маленькой. Если бы она не схватилась за Евразкину верёвочку, то наверно упала бы.

Евразжка, а он теперь был больше Лены в два раза, шмыгнул в полуоткрытые двери, скатился с крыльца и потащил свою хозяйку по улице. Фонарные столбы, афишные тумбы, цветочные клумбы — всё так и мелькало! Лена едва успевала перебирать ногами. Остановился Евразжка на городской окраине. На чистом вечернем небе темнела стена близкого леса, журчала рядом какая-то речка. Евразжка вдохнул влажный воздух:

Суслика Евразжку купили в зоомагазине. И вот его хозяйка, девочка Лена, летним вечером вывела его погулять. Суслик бежал на верёвочке впереди. Лена едва поспевала за ним.

Она не знала, как Евразжке страшно. Кошки шипели на него из подвалов. Собаки скалили страшные пасти. А машины с глазами, горящими, как у сов!

— Вот бы забраться в норку, — мечтал Евразжка. Но Лена тащила его всё дальше.

Она искала аптеку. И вот наконец нашла.

Аптека называлась «Голубая звезда». За прилавком сидел старый аптекарь: глаза голубые, очки золотые, усы белые.

— Кто у вас заболел?

— Он, — показала Лена на суслика, — у него бессонница.

Аптекарь очень удивился:

— Бессонница? У суслика? Он должен спать, как суслик!

— Всю ночь не спит, торчит столбиком на подоконнике.

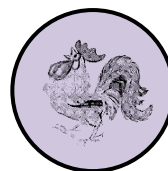
Аптекарь нахмурил седые брови:

— Он скушает по дому. Ты должна его отпустить.

— Вот ещё! — возмутилась Лена. — Я за него деньги платила.

Брови аптекаря стали совсем колючими. Он выдвинул какой-то ящичек и протянул Лене пакетик. В нём оказались три таблетки: красная, белая и жёлтая.

и голубая звезда

— Скоро придём. Видишь лес, за ним поле, там мой дом.

— Я никуда не пойду! — захныкала Лена. — Я устала.

Евражка тихонько свистнул. В ответ сейчас же раздался свист, протяжный и тонкий. Плеснула, причалила к берегу лодка-плоскодонка. На вёслах сидела зверушка, она поздоровалась с сусликом.

«Какая зубастая», — подумала Лена с опаской.

— Не бойся её, — сказал суслик, — это всего-навсего выдра.

Плескалась за бортом вода, бежали мимо берега, лесистые и низкие, спрятанные в тумане. Остановилась лодка у большой поляны.

— Теперь, — шепнул суслик выдре, — доберёмся сами.

Они выбрались из лодки и увидели землянки. Возле землянки с крышей-горбушкой, обняв подушку, дремала на лавочке Евражкина мама.

— Где опять пропал? Мой лапы, и спать! — не открывая глаз, проворчала она и, прихватив подушку, ушла.

Евражка постелил Лене в своей спальне, а сам устроился на сеновале. Как замечательно пахла подушка: хмелем, мятой, душицей! Но только Лена закрыла глаза, как над ухом у неё прошептали.

— Вставай, а то прозеваешь!

Лена поднялась по ступенькам наверх.

— Смотри!

В тёмном небе над поляной, над сонными сусличьими домами, сияла, искрилась, переливалась Голубая звезда. Евражка встал столбиком и поднял голову вверх:

— Смотри она какая, самая красивая из всех!

— А зачем она тебе? — зевнула Лена.

— Как! Если бы не она, я бы никогда не посмотрел вверх и никогда не научился бы стоять.

— Ну и что за беда?

— Без этого нельзя. Должен же кто-нибудь стоять, когда все вокруг, как суслики спят. Понимаешь теперь, почему я у тебя дома не спал?

«Удивительно! — подумала Лена. — И на аптечной вывеске, и на борту лодки тоже была голубая звезда».

Но думать, почему это так, ей было лень, и она заторопилась в постель.

Ей показалось, что спала она совсем мало. А мама суслика уже тащила с неё одеяло:

— Вечно мальчишки тащат в дом всякую гадость! Смотри, как ты у нас натоптала!

Лена вскочила и носовым платком чисто вытерла пол:

— Надо же, учёная! — удивилась мама суслика. — Дрессированная, а передними лапами ты есть научена? Садись-ка за стол.

Она достала из духовки пирожки с капустой, поставила перед Леной чашку со сметаной. Прибежал и сел за стол Евражка.

Когда на тебя глядят во все глаза, трудно что-нибудь делать. Отодвинула Лена чашку со сметаной и пирожки есть не стала.

— Капризная, — сказала мама суслика, — капризная и непослушная. Отнеси её, сынок, туда, где нашёл. Лучше в лес.

— В лес?

Евражка выскочил из-за стола и заплакал.

— Ладно, не хнычь. В лес отведёт её папа.

И она отправилась в спальню будить папу суслика. Было это делом нелёгким, и Евражкина мама надолго там застряла. В это время Лена и суслик, прихватив по пирожку с капустой, убежали.

Вышел папа — суслик, закутанный в плед, а их давно и след простыл.

Теперь Лена шла без верёвочки рядом с Евражкой. И всё равно было трудно

идти. Каждая травинка, каждая ромашка смотрела на неё свысока.

— Надоело! — хныкала Лена. — Позови выдру!

— Что ты! — испугался Евражка. — Днём нас и с земли, и с неба видно.

Впереди ещё был лес с корягами и кочками.

— Я устала! У тебя четыре лапы, а у меня две.

В лес они вошли уже ночью. Упала Лена на мох возле пня. И вдруг вспыхнули рядом два жёлтых огня, и нависли над Леной два совиных крыла, и страшные лапы, кривые, когтистые. Евражка встал столбиком и пронзительно свистнул. Сияние затопило ночную тьму. Лена увидела Голубую звезду. Ослепительный свет ударил сове в глаза, она миг ослепла и полетела прочь, шараясь по кустам.

До самого города проводила путников Голубая звезда. На окраине, недалеко от речки, увидали они серебристые, узкие рельсы. Маленький синий трамвай поджидал их в кустах. Долго он по пустым улицам мчал, тихо, бесшумно, совсем не стучал. И вот кто-то тихо сказал:

— Остановка аптека.

Синий трамвай дождался, когда Лена с Евражкой выйдут, и уехал.

Тот же аптекарь встретил Лену в аптеке:

— Что ты наделала, Лена? Зачем таблетку съела? Остальные таблетки целы?

— Целы, и жёлтая и красная.

— Проглоти их скорей!

— Так они же Евражкины!

Аптекарь нахмурил седые брови:

— Ты всё ещё хочешь укладывать суслика спать вовремя?

— Нет, — прошептала девочка, — просто хочу, чтоб Евражка немного поспал. А я за него подежурю, ведь Голубая звезда встает не только для сусликов.

Аптекарь поправил золотые очки и улыбнулся:

— Ну, теперь наш Евражка может ночку-другую поспать.

Лена съела таблетки и стала такой, как была. А Евражка уже клевал носом:

— Ох, и засну я сегодня, как суслик. На сеновале как раз свежее сено и солома.

Он проводил Лену до дому, там, конечно её потеряли. Но для того и написана сказка, чтобы не сильно Лену ругали.

Всадник по имени Расул

Мне повезло: в Доме творчества «Переделкино» на недлинной дорожке между корпусами мы с мужем встретились с Расулом Гамзатовым, поздоровались, что-то обычное сказали о весенней погоде, слово за слово, и вскоре вечером принимали у себя в номере несколько знакомых писателей, в том числе знаменитого Расула.

И вот мы за тёплым чаепитием, поспыхивает время от времени самовар. Расул Гамзатович закручивает разговор с присущим ему юмором и энергией, чувствуя себя свободно и уж точно среди своих. И где-то уже в середине вечера я очень пожалела, что нет под рукой блокнота, чтобы записывать его искромётные реплики и собственные афоризмы. Поскольку жизнь то и дело подталкивала меня к журналистике, то и привычка записывать важное, а тем более остроумное, была уже в крови. Испросив его разрешения, в следующий раз я уже была «вооружена», хотя и старалась брать ручку не очень заметно для гостей.

А Гамзатов возвращался к насущному на тот момент:

— Горбачёв хотел проветрить страну, а устроил большой сквозняк, и теперь никто не может хотя бы прикрыть двери.

Конечно, какой же разговор среди писателей, если не касается литературы.

В том числе и графомании.

— Одни любят, но не пишут, другие пишут, но не любят, — откинувшись на спинку стула, резюмировал Расул Гамзатович. И, выдержав паузу, ставил точку: — У нас писателей нет, одни классики.

К слову сказать, известно множество его афоризмов и эпиграмм, иногда дружеских, иногда колючих — в адрес тех, кто с ходу хотел попасть в эти самые классики. Особенно в родном Дагестане, — зная об успехах Гамзатова, надеясь на протекцию знаменитого горца. И две-три меткие строчки порой избавляли его от долгих «задушевных» бесед с претендентами на скорую славу. Тут пускались в ход и юмор, и ирония, — при всей его искренней доброте к человеку. Но поэзия — это святое:

*...Я честно дремал под мотивчик унылый
Твоих сочинений, снотворный певец!
Когда же окончится лекция, милый?
Когда же начнётся кино наконец?*

Или «Юбилейное»:

*Организуем юбилей поэту,
Ведь у него чины, награды, званья.
Одна беда: стихов приличных нету
Для юбилейного издания.*

А как обойти «Резолюцию на заявление в литфонд», в короткое время ставшую популярной:

*Прошу из соответствующих смет
Подателю помочь деньгами снова.
И нам известно: он плохой поэт,
Но дети литератора плохого
Не знают, что в семье талантов нет,
И просят есть, как дети Льва Толстого.*

О многом мы говорили в те несколько встреч. Гамзатову не надо было объяснять свою точку зрения, приводить примеры и доказательства. Одной-двумя фразами он добивался весомого результата. Памятуя о его известной песне про коня и дорогу, Гамзатова спросили: а сегодня кто виноват — конь или дорога? Он тут же отпарировал: «Всадники без головы». Напомню только, что фразы эти прозвучали на заре перестройки.

...Но быстро пролетели две переделкинские недели, ранним мартовским утром Гамзатов вышел, чтобы попрощаться со мной и мужем. На память о встречах он надписал и подарил недавно вышедшую книгу публицистики «Суди меня по кодексу любви».

Уже в электричке я прочитала её первые страницы, параллельно вспоминая наши разговоры о «дне сегодняшнем и дне минувшем». И ещё раз убедилась: нет, Гамзатов отнюдь не относится к тем классикам, что вчера были обласканы прессой и властями,

Юрий Силантьев, Расул Гамзатов, Оскар Фельцман, Муслим Магомаев. 1980-е годы

а ныне пребывают в «узаконенном» забвении. В отличие от тех крикунов, что были горазды судить всех и вся, Гамзатов суд времени начинал с самого себя:

*...Не думал, что за всё расплата ждёт:
За суету, за глупые раздоры...
Сам виноват.
Как тяжёлой жизни гнёт...
Как высоки и благородны горы!*

Да, многое минуло для советского классика. Кажется, не осталось званий и наград, коими не был бы отмечен Гамзатов. И за всё это надо было платить — громкими речами, пышными застольями литературных декад и многим другим, в том числе и золотом своей души. Но когда верноподданные почитатели отвернулись от него, когда сменилась власть и в Кремле, и в Союзе писателей, когда в седую его голову полетели разного рода камушки и камни, — он вышел в бурлящее море вместе со всеми и подставил свои плечи под общую ношу этих трудных дней. Согласитесь, такое не уважать нельзя.

И вот некоторые из его афоризмов, которыми богата эта книга.

«Не будь столь сухим, чтобы хрупнуть и сломаться, но и не будь столь мокрым, чтобы тебя выжимали, как тряпку».

«Литературное произведение, если в нём не видно автора, — всё-равно что конь, бегущий по дороге без всадника».

И вновь — серьёзный разговор о времени, о себе, о России. И уже сами стихи становятся поступком, стихи, которые невозможно читать без волнения:

*Россия, больно мне, не скрою,
Бывает — уроженцу гор,
Когда чернит тебя порою
Разноплеменный оговор...
Хоть вознесла сама на кручи
Ты громовержцев молодых,
Но видят всей планеты тучи
Они на небесах твоих...*

Нет, поэт не отвергает слепо всё новое, неизвестное. Он лишь призывает не выплёскивать вместе с водой младенца — то чистое и светлое, что было между народами нашей страны, в том числе и в самые тяжёлые, военные, годы.

О том, что значила для Расула Гамзатовича поэзия, — уже понятно. Но не только стихи. К каждому слову даже в разговоре он

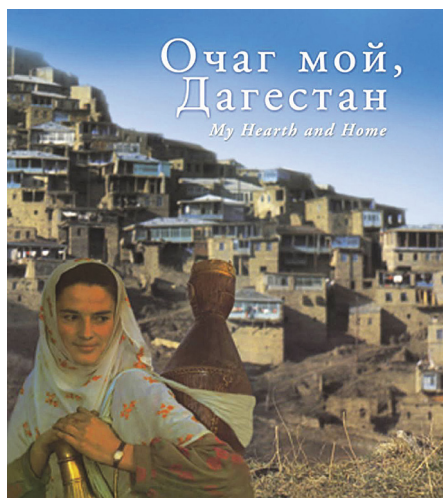
относился фантастически ответственно. Вот почему брать у него интервью было, ей-богу, таким же фантастически трудным делом, потому что он по многу раз выверял любое слово, искал более точное, потом возвращался к первому варианту — и так до тех пор, пока не был уверен в достигнутой цели.

Прошло без малого десять лет, и в сентябре 2003 года волею судьбы я участвую в юбилейном вечере легендарного дагестанца в библиотеке имени Ленина, который проводит поэт Валентин Сорокин. Юбиляру 80

лей, Поэт оставил нам весомое духовное наследство, в первую очередь в стихах.

*Поэтом не был я, когда с вершины
Твоё влюблённо имя прошептал.
И песнею с той памятной години
Оно слывёт, уплыв за перевал.*

*Изречь немало, сделавшись поэтом,
Напевных слов мне было суждено,
Но не твоё ли имя в мире этом
Есть лучшее, что мной изречено?*

лет, и, несмотря на уже не молодецкий вид, глаза его так же внимательны и зорки. Конечно, все мы старались максимально выразить и уважение, и любовь к этому мощному и талантливому человеку. И после торжественной части Расул Гамзатович сидел, как всегда, во главе стола, и удивительная магия мудрости и духовной силы исходила от него...

Спустя два месяца его не стало.

Известно, что волей и сердцем Расула Гамзатовича положено начало празднику, который не в силах отменить никакая новая эпоха, никакие новые лидеры. Это День Белых журавлей, который обрёл статус Всероссийского Дня Памяти. И знаменитая песня «Журавли» на стихи Гамзатова стала символом этого события. На кавказской земле, в Гунибе, есть памятник — и песне этой, и тем, кому она посвящена, и замечательной традиции помнить и беречь общие наши святыни.

Всё это — доказательство того, что путь Гамзатова, сына немногочисленного аварского народа, хоть и был в своё время усыпан розами, — сродни рискованной каменистой дороге, которая требует от путника очень многого, невидимого простому глазу. Пережив ненамного свой последний юби-

А вот и пара заповедей, завещанных нам. В Дагестане говорят: «Если ты хочешь ослабить какое-нибудь государство, молись, чтобы там было больше начальников и чиновников!»

Не будем забывать, что благодаря переводам самого Гамзатова многие произведения наших классиков-поэтов стали доступны читателям в Дагестане. Что на его стихи писали песни такие замечательные композиторы, как Раймонд Паулс, Юрий Антонов, Александра Пахмутова, Мурад Кажлаев и другие. Что его творчество высоко ценили Ярослав Смеляков, Александр Фадеев, Самуил Маршак, Корней Чуковский, Михаил Светлов.

Нынче осенью Расулу Гамзатову исполнилось бы 95 лет. И эти бессмертные стихи, ставшие песней, Поэт написал и о себе тоже:

*...Летит, летит по небу клин усталый —
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня!*

*Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликаю
Всех вас, кого оставил на земле...*

На острове

Владимир Волков

Художник А. Косильников

Ребята на плоту плыли по реке. Толик рулил шестом, а Лёшка забрасывал блесну. Собственно, из-за нового спиннинга, долгожданного отцовского подарка, и была затеяна эта рыбалка: Лёшке хотелось опробовать новый спиннинг в новых местах.

Река то плавно несёт плот, то начинает крутить его. И вдруг сильный толчок. Плот полез куда-то вверх. Лёшка оказался в воде. Окунувшись с головой, он вынырнул. Рядом, очумело выпучив глаза, барахтался Толик. А плот, скинув ребят, так сказать, налегке продолжал свой путь.

Штаны выжимали вместе. Сначала Лёшкины, потом Толькины.

— Батя за спиннинг мне, конечно, врежет, — заикаясь от холода, сказал Лёшка.

— А мне за куртку.

Солнце ещё пригревало, хотя уже зависло над за-

катной стороной. Лёшка то и дело подбегал к кустам и щупал штаны.

— Нет, не высохнут... Пойдём так. И покричим лодку, — решительно сказал Лёшка.

Тронулись берегом вверх по течению. Шли, шли и вышли снова к реке.

— Мы на Косе, — прошептал Лёшка. Так назывался вытянутый в длину остров на их быстрой сибирской реке.

— Как же мы теперь отсюда выберемся? — тоже прошептал Толик.

— Придётся заночевать здесь. Давай делать шалаш!

Шалаш получился — что надо! Ребята надели высохшие рубашки и растянулись на упругой постели из веток. Жаль вот только, что штаны не высохли. Они висели над входом в шалаш. Всю ночь их шевелил ночной ветерок, который, видно, тоже заплутал на острове.

Рано утром, подёргиваясь от холода, Лёшка вылез из шалаша. За ним — Толик. Ребята вышли к берегу.

— Лёш, может все-таки попробуем? Ну, снесёт по течению... Здесь же до берега раз плюнуть!

— А если закрутит? Или вон о тот камень шархнет?

Реку здесь было не узнать. Как будто это была совсем другая река, а не их родная Серебрянка. Она шумела, пенилась. Словно злилась на остров: улёгся, понимаешь, по середине, а тут крутись, вертись, как хочешь...

— Ты слышал? — вдруг поднял палец Лёшка.

— Ага. Где-то дулетом стрельнули.

Первым выстрелом была убита медведица. А в её медвежонка охотники не попали. Он кубарем скатился по крутому обрыву прямо к реке. Вскочил и стремглав бросился впе-

рёд. И влетел... в лодку, которую охотники втащили на берег. Лодка от толчка стронулась с места. Течение ударило её в бок, лодка развернулась и понеслась по реке.

Медвежонок долго приходил в себя. Наконец, набравшись смелости, вылез из-под навеса на корме и глянул на реку. И тут же спрятал голову — кругом шумело, бурлило...

Вдруг лодку сильно тряхнуло. Медвежонок выглянул и увидел, что лодка уже не по реке несётся, а стоит, приткнувшись к берегу.

— Лёшка, смотри! Чьи-то следы!

— Странно, мы же здесь проходили — их не было.

Ребята забились в свой шалаш. Сидели тихо, боясь пошевелиться. Кто бы это мог быть?

И тут случилось то, чего они никак не ожидали. Они услышали хруст сучков, какое-то сопение, и в шалаш просунулась... голова медвежонка. Ребята на миг оторопели и бросились вон из шалаша, с другой его стороны. Медвежонок, как ни странно, — за ними!

— Ты чо? Ты чо пристал? — чуть ли не со слезами на глазах кричал Лёшка. — А ну пошёл отсюда!

Кому-то может показаться странным, почему ребята убегали от безобидного медвежонка. Но они боялись не медвежонка, а мамашу его, медведицу. И Лёшка, и Толик хорошо знали, как ведёт себя медведица, когда её дитя оказывается в опасности. А она ведь могла подумать, что это они увели у неё

медвежонка. И тогда не жди пощады от разъярённой мамашки.

До самого вечера ребята пытались убежать от медвежонка. Куда они только не прятались! Даже на сосну залезали. Но он везде их находил. Еле передвигая ноги, ребята вернулись в свой шалаш. Медвежонок тут же оказался рядом. Он бесцеремонно растолкал приятелей и улёгся между ними. «Ну, и нахал!» — уже во сне подумал Лёшка. И придвинулся к медвежонку: так было теплее.

А утром... Впрочем, читатель уже догадался, что случилось утром. У ребят была же лодка! На ней они и переправились на свой берег. С медвежонком, конечно. Дошли до своего посёлка. Их даже не стали ругать. Потому что их искали. И теперь все в поселке радовались, что они живы и здоровы.

Как живётся медвежонку на новом месте? Но это, как говорится, совсем другая история.

Мария Любичка

Родилась в г. Набережные Челны.

Занимается в литературной группе

«Детский стиль» Центра эстетического
воспитания детей. Лауреат конкурса

«Мой город любимый», дипломант

Всероссийского литературного

Пушкинского конкурса «Капитанская
дочка». Живёт в г. Оренбург.

Осеннее стихотворение

Осенний ветерок
Плывёт как катерок!
А в катерке матросы —
Листочки и вопросы!
— Как на улице гулять
— И пятерки получать?
— Понравится иль нет
— Осенний мой букет?
И сестрёнке на рождение
Моё стихотворенье?
Засыплю катерок
Жёлтыми листочками,
Хорошо гулять по парку
Маме-папе с дочками!

Снова весна на свете!

Сегодня я увидела лужи!
Прошла наконец вся стужа!
А сосулькам даже не обидно —
Их капли звонкие стекают
с тёплых крыш!
И на стадионе уж не видно
Следов от наших школьных лыж!

Пахнет свежестью и теплотой,
Пахнет деревом, пахнет весной!
И вырвался из пелёнок
Листик на веточке — малый ребёнок!
Листочек проснулся
И солнышку улыбнулся!
— Идите ко мне, дети!
Снова весна на свете!

Какие у верблюда любимые блюда?

Очень вежливый верблюд
Любит много разных блюд.
Я спросила у верблюда:
— Какие вы любите блюда?
— Мёд и вкусный мармелад,
— Также тёмный шоколад,
— Ещё люблю орехи,
Сок и чебуреки!
А ещё люблю я пить
Кока-колу, молоко,
Газировку, эскимо!
Эскимо в тепле растает,
Очень вкусное бывает!
Вот сколько блюд
Любит верблюд!

Агарунов Юлиан,
7,5 лет

НАШ ВЕРНИСАЖ

1

2

3

4

РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ

МБОУ ЛИЦЕЙ № 15, г. ХИМКИ

Руководитель Карачевцева Анжела Павловна

1. Станьков Степан, 9 лет

2. Пикос Милена, 9 лет

3. Федосеева Эмилия, 7 лет

4. Васютина Алина, 16 лет

5. Попонникова Александра, 15 лет

5

«Византия побудила Русь принять Христианство. Это обеспечило древнерусскому обществу доступ к плодам тысячелетнего развития философской мысли, социальных и естественных наук. Русь создала свои собственные институты в соответствии с моделью всего европейского сообщества от государства и до епископата, и от школы до суда».

Николай Тодоров, болгарский историк

Памятник князю Владимиру на Боровицкой площади в Москве

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**

Евражка и голубая звезда

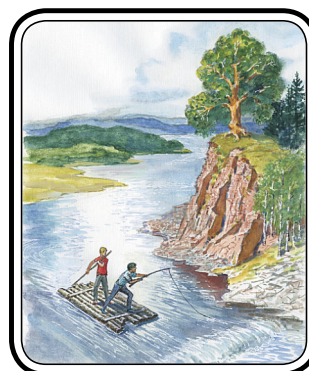
ИМЕНА:

Владислав Крапивин

УГОЛОК РОССИИ:

Библиотек в Сестрорецке

РАССКАЗЫ:

На острове